

Всеволод Сергеевич Соловьев

Нежданное богатство (Старые были)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0014
IV.....	.0020
V.....	.0026
VI.....	.0035
VII.....	.0046
VIII.....	.0053
IX.....	.0060
X.....	.0065
XI.....	.0070
XII.....	.0075
XIII.....	.0083
XIV.....	.0088
XV.....	.0092

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
НЕЖДАННОЕ БОГАТСТВО

«Одна голова не бѣдна, а и бѣдна — такъ одна»; но плохо той головѣ, за которой, при крайней бѣдности, стоитъ еще двадцать три головы! Эту печальную истину пришлось слишкомъ хорошо узнать Степану Егоровичу Кильдѣеву. Потомокъ стараго рода, ведшаго свое происхожденіе отъ одного изъ князей татарскихъ и когда-то владѣвшаго огромными помѣстьями по берегамъ Волги, Степанъ Егоровичъ получилъ въ наслѣдство послѣ родителей своихъ всего-на-всего маленькую деревушку въ Симбирской губерніи. Въ первой молодости, еще при императрицѣ Елизаветѣ, служилъ онъ въ гвардіи, но дальше сержантскаго чина не пошелъ, такъ какъ смерть родителей заставила его выйти въ отставку и заняться хозяйствомъ — безъ хозяйскаго глаза и постоянной работы маленькое имѣніе не приносило никакого дохода.

Очнулся Степанъ Егоровичъ, въ своемъ гвардейскомъ мундирѣ и пышной прическѣ, среди родного Симбирскаго убожества и долго вздыхалъ по прекрасному «парадизу», то

есть Петербургу. Однако, заботы и нужда заставляли забывать о покинутых радостях, заставляли изменить всѣ привычки и начать новую жизнь. Оказалось, что старики Кильдѣевы, не желая отказывать сыну и надѣясь на его будущіе успѣхи въ столицѣ, продали часть имѣнница, да еще и сосѣду помѣщику задолжали. Молодому сержанту пришлось совсѣмъ круто; но онъ не сталъ унывать, принялся за работу — и года черезъ два отъ петербургскаго фронта и слѣда не осталось. Степанъ Егоровичъ превратился въ дѣльнаго хозяина, часто отказывая себѣ въ необходимомъ, выплатилъ долгъ сосѣду и совсѣмъ позабылъ о «парадизѣ».

Небольшая и довольно ветхая усадьба требовала починокъ: Степанъ Егоровичъ, съ помощью двухъ своихъ крестьянъ, самъ исправилъ усадьбу — оказался не только хозяиномъ, но и плотникомъ хорошимъ. Пришла зима; въ горницахъ уже не дуло, тепло и уютно стало въ старомъ родительскомъ домикѣ; но особенно зимою, въ долгіе вечера, при затишьи хозяйской работы, тоска-скука начала нападать на Степана Егоровича, да и мысль

одна не давала покою: больно жалко ему было старой, съ дѣтства памятной рощи, проданной родителями. Выкупить ее не было никакой возможности. Но у сосѣда помѣщика, купившаго Кильдѣевскую рощу, оказалась дочка, Анна Ивановна, дѣвушка лѣтъ семнадцати, и собой даже не дурная. Задумалъ Степанъ Егоровичъ посватать Анну Ивановну, но только съ тѣмъ, чтобы въ приданое за нее получить рощу. Задумано — исполнено: не успѣла весна стать, какъ Степанъ Егоровичъ оказался обладателемъ и Анны Ивановны, и своей любимой рощи.

Имѣннице снова округлено, въ длинные зимніе вечера не предвидится больше одиночества и скуки. Хорошо было въ первое время женитьбы на душѣ у Степана Егоровича: молоденькая жена пришлась ему совсѣмъ по нраву — скромная и тихая, не бѣлоручка, а такая-же работница, какъ и онъ. Съ ея появленіемъ въ Кильдѣевской усадьбѣ все пошло по новому: какъ хорошо устроилъ свое мужское хозяйство Степанъ Егоровичъ, точно такъ-же хорошо устроила и Анна Ивановна женское хозяйство, которое было очень запу-

щено послѣ смерти старухи Кильдѣевой. Въ маленькомъ домикѣ все чисто и исправно, на скотномъ дворѣ и коровы, и овцы, и птицы всякой домашней — тоже не мало. Степанъ Егоровичъ время отъ времени посылаетъ въ городъ на продажу и яйца, и масло, и битую птицу, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Доходъ прибавляется, — радуется сердце хозяйское. А тутъ еще и другая радость: въ усадьбѣ — жилища новая; какъ разъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы дароваль Господь Кильдѣевымъ дочку Аришеньку. Жизнь ключемъ бьетъ, совсѣмъ молодцомъ сталъ Степанъ Егоровичъ: даже со стороны смотрѣть весело, полное довольство въ лицѣ свѣтится, бодрости и силы на двоихъ хватить, — есть для кого работать, есть о комъ заботиться; все идетъ какъ по маслу...

Такъ счастливо и благополучно началась семейная жизнь Степана Егоровича; но скоро все стало измѣняться въ Кильдѣевской усадьбѣ. Анна Ивановна, оставаясь примѣрной женой и хозяйкой, оказалась въ то-же время и замѣчательной матерью: уже на второмъ году супружества, и менѣе чѣмъ

черезъ годъ послѣ рожденія Аришеньки, она снова родила, — и на этотъ разъ, ко всеобщему изумленію сосѣдей, — родила тройней: двухъ мальчиковъ и одну дѣвочку. И всѣ трое не только остались живы, но оказались такъ-же крѣпкими и здоровыми, какъ и ихъ сестрица Аришенька. Родственники и сосѣди, присутствовавшіе на крестинахъ, поздравляли Кильдѣевыхъ съ такимъ особливимъ знакомъ Божьяго благословенія. Степанъ Егоровичъ, принимая поздравленія, улыбался, но въ то-же время ему было какъ-то неловко, какъ-будто даже нѣсколько совѣстно. Къ тому-же скоро стали оказываться для него нѣкоторыя домашнія неудобства: домикъ-то маленькій, дѣти пищатъ въ четыре голоса, молодая мать сама троихъ выкормить, какъ слѣдуетъ, не можетъ — изъ деревни мамку взяли, тѣсноты отъ этого въ домикъ прибавилось: нѣтъ уже прежняго отдыха послѣ работы, прежняго спокойствія.

Прошло полтора года — еще ребенокъ, да такъ и пошло... Не успѣли посѣдѣть волосы на головѣ Степана Егоровича, не успѣла потерять своей миловидности всегда здоровая и

дѣятельная Анна Ивановна, какъ у нихъ оказалось двадцать два человѣка дѣтей — и всѣ дѣти были живы и здоровы, на удивленье цѣлой Симбирской губерніи. Имя Кильдѣева, человѣка незнатнаго и небогатаго, стало извѣстно всѣмъ и каждому на сотни верстъ въ окружности, единственно благодаря необыкновенной многочисленности его семейства.

«Это другіе Кильдѣевы!» говорили про тѣхъ, у кого дѣтей было много.

Когда Степанъ Егоровичъ пріѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ Симбирскъ, то всѣ высшіе начальствующіе люди зазывали его къ себѣ, обходились съ нимъ ласково и милостиво, и непременно каждый разъ заставляли его рассказывать, когда и какой изъ дѣтей его родился и какъ ихъ всѣхъ зовутъ. Степанъ Егоровичъ иногда путался въ своихъ отвѣтахъ и это доставляло большое удовольствіе его собесѣдникамъ.

Интересно было теперь заглянуть въ Кильдѣевку. Усадьбу была неузнаваема: къ прежнему домику было сдѣлано нѣсколько пристроекъ по мѣрѣ надобности. Онъ являлся теперь съ виду до крайности страннымъ зданіемъ, откуда вѣчно неслись разнородные голоса, гдѣ происходила вѣчная возня.

Возвращаясь, бывало, съ ранней хозяйской прогулки, Степанъ Егоровичъ остановится, поглядитъ на свою усадьбу, улыбнется не то насмѣшливо, не то печально — и покачаетъ головой.

— Ну, зажужжалъ ужъ мой улей, повысыпали пчелы!

А пчелы бѣгутъ ему навстрѣчу — мальчики и дѣвочки, большіе и маленькіе, обсыпаютъ его со всѣхъ сторонъ, здороваются; каждый спѣшитъ сообщить что-нибудь папенькѣ, ввести его въ мірокъ своихъ интересовъ. Иногда Степанъ Егоровичъ не въ духъ, заботы разныя не даютъ покою, да взглянетъ на своихъ пчелокъ, радостно и довѣрчиво жужжа-

щихъ, — и умилится духомъ, каждаго и каждую приласкаетъ, по головкѣ погладить, старается никого не обидѣть.

«Охъ, умучился я совсѣмъ», думалось ему: «передъ каждымъ-то кланяйся, каждаго ублажай, бейся какъ рыба объ ледъ, о своемъ спокойствіи и не подумай — и все-то для нихъ, чтобы имъ было тепло и сытно!.. Да они-то чѣмъ виноваты? не просились, вѣдь, на свѣтъ Божій, на этакую-то горькую долю!.. такъ какъ же объ нихъ не позаботиться... Но вотъ коли всѣхъ нашихъ заботъ не попомнить, тогда другое дѣло, тогда грѣхъ имъ будетъ великій»...

И вдругъ жалко станетъ ему своихъ пчелокъ, подумается о томъ, какъ живутъ другія дѣти — богатыхъ родителей, и еще ласковѣе глядитъ онъ на нихъ, и еще внимательнѣе выслушиваетъ ихъ розказни. Въ домъ войдетъ — тамъ жена съ старшими дочерьми по хозяйству возится, приготовленіями къ скудному обѣду распоряжается, на всякіе недостатки плачется. И съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе эти недостатки зоркому хозяйскому глазу представляются. Съ большими

средствами, съ изряднымъ богатствомъ, такъ и то, вѣдь, не легко прокормить такое семейство, а Кильдѣевскіе доходы всѣмъ извѣстны; еще на удивленіе, что голодомъ не сидятъ. Ну, а ужъ о дворянскомъ воспитаніи гдѣ думать — вонъ отецъ Матвѣй еле-еле согласился обучать дѣтишекъ грамотѣ; пристроить старшихъ сыновей въ заведеніе казенное хотѣлось-бы, да какъ выбратъся въ столицу? на поѣздку деньги большія нужны, времени тоже не мало потерять придется, а время — охъ, какъ дорого!

Нашлись, однако, въ Симбирскѣ благодѣтели — пристроили двухъ старшихъ Кильдѣевскихъ мальчиковъ. Возблагодарили Господа Степанъ Егоровичъ и Анна Ивановна: «хоть эти, авось, въ люди выйдутъ! А ужъ о дочкахъ старшихъ лучше и не думать — гдѣ ихъ пристроить съ такими достатками; безъ приданого кто возьметъ невѣсту. Вдобавокъ же Аришенька, хоть и умница она и первая помощница матери, только собой вышла некрасивой и плечо одно выше другого — въ дѣтствѣ не углядѣли, свалилась она какъ-то съ вышки, да съ тѣхъ поръ и не выпрямилась.

Оленька, вторая дочка, собою хороша, да вотъ къ шестнадцати годамъ стала что-то прихвываетъ, блѣдная такая, худенькая. Третья — Машенька, и хороша и здорова, да на что, при такой блѣдности, пригодится красота ея? Дай только, Господи, чтобы не на погибель ей была красота эта... Остальныя дѣти еще подрастаютъ, что-то изъ нихъ будетъ? Охъ, что-то будетъ съ ними со всѣми?!.»

Этотъ вопросъ днемъ и ночью стоитъ передъ Степаномъ Егоровичемъ и Анной Ивановной; съ этимъ вопросомъ они нерѣдко обращаются другъ къ другу, но отвѣта на него дать не могутъ. Лучше ужъ и не думать — и помимо этихъ думъ тяжелыхъ каждый день приносить свою заботу. Весь-то улей обшить, одѣть, обути и накормить надо, и такъ вонъ дѣти въ лѣтнюю пору босикомъ бѣгаютъ, потому что рѣдко на всѣхъ обуви хватаетъ; платишки тоже, какъ ни бейся, драныя. Поповскія дочери то и дѣло надъ Кильдѣевскими барышнями смѣются, такъ «босоногими барышнями» ихъ и называютъ.

Среди такихъ бѣдъ и заботъ Кильдѣевыхъ застало новое великое бѣдствіе, охватившее всѣ приволжскія страны. Прикащикъ Степана Егоровича и самый довѣренный его человекъ, Наумъ, какъ-то ѣздилъ въ городъ для продажи деревенскихъ продуктовъ и закупки всего нужнаго по хозяйству. Вернувшись и представивъ господину отчетъ въ возложенныхъ на него порученіяхъ, Наумъ не уходилъ, мялъ шапку въ рукахъ, очевидно собирався сообщить что-то важное.

Степанъ Егоровичъ замѣтилъ это.

— Что ты, Наумушка? — озабоченно спросилъ онъ:— али не ладное что случилось? такъ говори, не мнись, ради Бога!

Наумъ таинственно повелъ глазами на присутствовавшихъ въ комнаткѣ трехъ дочерей и двухъ сыновей Кильдѣева и, наклонясь къ самому уху господина, прошепталъ:

— А прикажи-ка ты, батюшка Степанъ Егоровичъ, барчатамъ-то выйти, такое, вишь ты, дѣло, что негоже при нихъ рассказывать — испугаются...

Кильдѣевъ зналъ своего Наума за мужика разумнаго и степеннаго; коли такъ пугаетъ — видно и впрямь бѣда какая стряслась. Онъ велѣлъ дѣтямъ выйти и заперся самъ-другъ съ прикащикомъ.

— Да говори, не томи, язва, что ли какая, черная смерть у насъ показалась?

Наумъ перекрестился.

— Нѣту, батюшка, отъ этого горя Богъ миловалъ; а прослышалъ я въ городѣ про другое: за Волгою неладное творится... Царь Петръ Ѳедоровичъ живъ объявился, съ большущимъ войскомъ идетъ, много тамъ крѣпостей да городовъ забралъ, царицыныхъ генераловъ на-голову разбилъ, и чудное про него баютъ: баръ, вишь ты, всѣхъ вѣшаетъ, да съ живыхъ кожу сдираетъ; а крестьянство не трогаетъ, мало того — вольную всѣмъ даетъ, землями надѣляетъ. Народъ къ нему валомъ валить, и опять тоже съ нимъ и нехристи: башкирцы, калмыки и мордва — видимо ихъ невидимо, баютъ...

Степанъ Егоровичъ слушалъ, широко раскрывъ глаза, и въ первую минуту даже никакъ-не могъ повѣрить такому дѣлу.

— Да отъ кого ты слышалъ, кто это болтаетъ?! Какой нибудь разбойникъ вздорную сказку пустилъ, другой повторилъ, а ты и уши развѣсилъ!

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, Степанъ Егоровичъ, — съ убѣжденнымъ и важнымъ видомъ проговорилъ Наумъ: — то не сказка, весь городъ знаетъ, да и войско царицыно, вишь ты, идетъ ужъ. Начальство толкуетъ — то не царь Петръ Ѳедорычъ, то, мошь, бѣглый казакъ Емелька Пугачевъ...

Степанъ Егоровичъ опустился на стулъ и совсѣмъ растерянно глядѣлъ на Наума. Онъ все еще никакъ не могъ взять въ толкъ невѣроятную и страшную новость.

— Да, вѣдь, государь Петръ Ѳедоровичъ померъ, кто-же того не знаетъ?! — проговорилъ онъ.

Наумъ какъ-то загадочно ухмыльнулся.

— Это точно, — сказалъ онъ:— да, вишь ты, тотъ, Емелька-то, самозванчикъ, вишь ты, онъ крестьянству волю сулитъ, да землю...

И замолчалъ. Степанъ Егоровичъ, наконецъ, все понялъ. Онъ чувствовалъ какъ блѣднѣетъ, какъ морозъ подираетъ его по

кожѣ. Наумъ заговорилъ опять:

— Меня-то не обманешь, мнѣ воли да земли не надо, я за твоею милостью, батюшка ты нашъ, живу какъ у Господа за пазухой (при этихъ словахъ онъ почти земно поклонился Степану Егоровичу). Ну, а самъ тоже, вѣдь, знаешь, иные-то господа съ нашимъ братомъ что дѣлають. Вонъ, хошь Юрловскихъ взять для примѣра: все село волкомъ воетъ, разорились въ конецъ, чуть съ голода не помирають, а тутъ баринъ съ нагайкой да съ охотничками своими по избамъ рыщеть; дѣвки-то по амбарамъ, да по хлѣвамъ прячутся, да не спрячешься, гдѣ ужъ тутъ... всѣхъ какъ есть на барскій дворъ гонять... всѣхъ перепортилъ... страсть! Такъ не токмо что Емелька, а самъ чортъ, прости Господи, приди къ нимъ, да скажи про волю, такъ они и чорта царемъ величаютъ учнутъ...

Долго толковалъ Степанъ Егоровичъ со своимъ разумнымъ прикащикомъ и тяжело было у него на сердцѣ. Однако, заботы да работы скоро ослабили впечатлѣніе страшной новости, забылись многозначительныя слова Наума, все стало представляться въ иномъ

свѣтъ. Казаки взбунтовались за Волгой, бѣглый Емелька шайку набралъ! И прежде то-же бывало. Придетъ царицыно войско, переловятъ воровъ — бунтъ утихнетъ; да и далеко, вѣдь, это, за Волгой. Совсѣмъ было успокоился Степанъ Егоровичъ, только ненадолго: пріѣхалъ сосѣдь-помѣщикъ, да и опять про Емельку такія страсти рассказываетъ, что не дай Богъ.

И пошло день это дня все хуже и хуже. На всѣхъ страхъ такой напалъ, всѣ съ вытянутыми лицами. Говорятъ уже не про одного Емельку: то тамъ, то здѣсь мужики бунтоваться начинаютъ. Въ городѣ полная тревога: начальство не знаетъ, что дѣлать, одни кабатчики торжествуютъ, народъ пьянствуетъ какъ никогда, по улицамъ безобразіе, крики, драки, и то тамъ, то здѣсь раздаются фразы: «вотъ постойте, подождите малость, наѣдетъ батюшка Петръ Ѳедорычъ, пожалуетъ намъ волюшку, а съ господъ живьемъ кожу сдеретъ себѣ на барабаны!»

Ходитъ Степанъ Егоровичъ съ опущенной головою, тошно жить становится; въ домѣ, среди женскаго населенія, да между дѣтьми,

только и разговору, что про Емельку. И откуда это только разные новости являются, совсѣмъ непонятно, а каждый день что-нибудь новое приходится слышать. Дѣти жмутся другъ къ другу и толкуютъ о томъ, какъ Емелька поймалъ десять генераловъ, повѣсилъ ихъ всѣхъ на одной висѣлицѣ, потомъ содралъ съ нихъ кожу, кожу эту набилъ соломой, сдѣлалъ чучелы, одѣлъ въ мундиры и отправилъ прямо къ царицѣ.

Кильдѣевскіе крестьяне хоть и не бунтуютъ и не грозятся, но все уже не тѣ, что были. Замѣчаетъ Степанъ Егоровичъ, что и работа идетъ вяло, и почтенья прежняго къ нему нѣтъ; слышитъ онъ разговоры о томъ, какъ царя батюшку Петра Ѳедорыча встрѣчаетъ людъ православный съ хлѣбомъ да солью.

— Ну что, Наумъ? — спрашиваетъ Кильдѣевъ прикащика и со страхомъ ждетъ его отвѣта.

Наумъ медленно качаетъ головой.

— А то, батюшка, что коли онъ теперечи черезъ Волгу перемахнетъ, такъ и пиши пропало, того только и ждутъ, окаянные... ждутъ — не дождутся!..

IV

Стояло лѣто 1774 года. Пугачевъ, совсѣмъ было загнанный и раздавленный, послѣ погрома Казани, Михельсономъ, вдругъ переправился на западную сторону Волги. Народъ, давно его поджидавшій, взбунтовался и валилъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Воеводы покидали свои мѣста и бѣжали, дворяне прятались, кто куда могъ; но Пугачевская сволочь ловила ихъ и умерщвляла звѣрскимъ образомъ. Путь самозванца обозначался висѣлицами, разграбленными и сожженными деревнями и селами; города одинъ за другимъ падали; духовенство и купечество выходили навстрѣчу безобразной ордѣ съ крестами и хоругвями, съ хлѣбомъ и солью. Сообщение между Нижнимъ и Казанью было прервано, Москва трепетала, въ Петербургѣ принимались послѣднія мѣры. Наконецъ, одного Пугачева стало мало: собирались безчисленныя шайки и во главѣ каждой оказывался свой Пугачевъ, свой императоръ Петръ Ѳедорычъ.

Вокругъ Кильдѣевки пылали церкви и барскія усадьбы. Почти всѣ помѣщики

бѣжали со своими семьями по направленію къ Москвѣ, но рѣдко кому удавалось спастись: почти всѣ сдѣлались жертвами или собственныхъ крестьянъ, или всюду рыскавшихъ разбойничьихъ шаекъ. Одинъ Степанъ Егоровичъ не трогался съ мѣста и терпѣливо ожидалъ своей участи. Наумъ чуть не каждый часъ приносилъ ужасныя вѣсти, и послѣдняя его вѣсть была самая страшная: родной братъ Анны Ивановны Кильдѣевой, жившій верстахъ въ четырнадцать, былъ умерщвленъ крестьянами у себя въ домѣ. Онъ былъ вдовъ и жилъ съ взрослой дочерью. Убивъ отца и разграбивъ всю усадьбу, злодѣи схватили дочь, безбожно надругались надъ нею, а такъ какъ она пробовала защищаться и выказала много смѣлости и силы, то они связали ее и удавили.

Кильдѣевскіе крестьяне еще не нападали на Степана Егоровича; но, конечно, всѣ работы уже давно были брошены и деревня почти вся опустѣла: мужики ушли къ Фирскѣ, одному изъ Пугачевыхъ, или «пугачей», какъ тогда называли этихъ второстепенныхъ самозванцевъ. Фирска въ то время уже набралъ

себѣ большую шайку и успѣлъ ограбить и выжечь два уѣзда...

Въ первыхъ числахъ іюля, въ послѣобѣденную пору, Анна Ивановна, страшно постарѣвшая и измѣнившаяся въ послѣднее время, съ помощью дрожащихъ, заплаканныхъ дочерей и оставшейся въ домѣ женской прислуги, собирала кой-какіе цѣнные пожитки въ узелки; младшія дѣти кричали и метались изъ угла въ уголъ какъ полоумныя. Степанъ Егоровичъ, съ потемнѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, сидѣлъ, не сходя съ мѣста, на крылечкѣ своего дома. Вдругъ, замѣтивъ жену, несшую какіе-то узелки, онъ закричалъ ей:

— Анна, чего ты?! сейчасъ все развяжи... Куда укладываешься?.. все, слышь ты, все поставь, гдѣ стояло... ничего не прячь!..

Онъ вошелъ было въ домъ, но при видѣ перепуганныхъ, полураздѣтыхъ дѣтей, едва удержался отъ рыданій и выбѣжалъ снова на крыльцо, а оттуда черезъ огородъ къ церкви. Церковь была отперта. Степанъ Егоровичъ вошелъ въ нее; онъ увидѣлъ отца Матвѣя съ дьячкомъ: они вынимали въ алтарѣ изъ шка-

фа праздничныя ризы.

— Батюшка, ты что-же дѣлаешь? — спросилъ Кильдѣевъ, обращаясь къ священнику: — али церковное добро прятать хочешь отъ разбойниковъ, да гдѣ спрячешь, всюду розыщутъ?!

Отецъ Матвѣй, очень сухо поклонившись Кильдѣеву, какъ-то странно и недоброжелательно взглянулъ на него.

— О какихъ разбойникахъ изволишь говорить, Степанъ Егоровичъ? — сказалъ онъ. — А вотъ не нынче-завтра я государя Петра Ѳедоровича ожидаю, такъ приготавлиюсь достойно встрѣтить его.

Кильдѣевъ хотѣлъ было говорить, но вдругъ замолчалъ и быстро вышелъ изъ церкви.

«Петръ Ѳедоровичъ», думалось ему: «это Фирска-то, можетъ, бѣглый холопъ какой, а то и того хуже — колодникъ, душегубецъ!.. это его-то онъ будетъ встрѣчать облекшись въ ризы, съ крестомъ... Ну, а мнѣ какъ его встрѣтить?»

Онъ вспомнилъ всѣ рассказы, одинъ другого страшнѣе, одинъ другого безобразнѣе; вспомнилъ, какъ изверги пытаются дворянъ,

сдирають съ живыхъ кожу, безчестяють дочерей на глазахъ у родителей. Ему ярко, ярко представилось, что вотъ, можетъ, черезъ нѣсколько часовъ, можетъ, сейчасъ и съ нимъ будетъ то-же самое. Онъ схватилъ себя за голову и побѣжалъ домой. На порогѣ стояла его третья дочь, красивая Маша. Онъ взглянулъ на ея поблѣднѣвшее, заплаканное милое лицо, обнялъ ее крѣпко, будто ужъ ее у него вырывали, и зашепталъ прерывающимся хриплымъ голосомъ:

— Машуня, пойди, пойди съ сестрами въ кладовую... спрячьтесь... не выходите... молитесь!..

Она громко взвизгнула. Сбѣжались другія дѣти, поднялся вопль во всемъ домѣ. Степанъ Егоровичъ стоялъ совсѣмъ растерявшійся, всѣ мысли вдругъ пошли врознь, и онъ никакъ не могъ собрать ихъ.

А въ это время къ крыльцу со всѣхъ ногъ бѣжалъ Наумъ и издали махалъ руками. Степанъ Егоровичъ взглянулъ на него и сразу все понялъ.

— Подходятъ! — крикнулъ Наумъ: — и конные, и пѣшіе... и наши съ ними... ужъ въ

рощѣ... самъ видѣлъ...

Анна Ивановна, взрослые дочери и всѣ дѣти страшно заголосили, но вдругъ замолкли и, тѣсняясь и толкаясь, бросились во внутренніе покои. Степанъ Егоровичъ опустился на ступеньки крылечка и сидѣлъ неподвижно, съ искажившимся лицомъ, съ трясущимися руками. Наумъ стоялъ подлѣ своего господина спокойно и серьезно.

Ясный іюльскій закатъ заливалъ горячимъ свѣтомъ весь дворъ, огородъ и старую любимую Кильдѣевскую рощу, изъ которой доносились крики и дикіе раскаты нестройной пѣсни.

Не прошло и десяти минутъ, какъ во дворъ нахлынула полупьяная толпа, состоявшая изъ самаго разнообразнаго люда, одѣтаго во всевозможные костюмы. Здѣсь были и крестьяне, и бѣглые дворовые, и городскіе приказные, и купцы, и какіе-то проходимцы, прежнее званіе которыхъ опредѣлить было очень трудно. Всякій былъ одѣтъ въ награбленное платье; на сиволапой мужицкой фигурѣ виднѣлась богатая шапка, небритый пьяный лакей оказывался въ бархатномъ расшитомъ камзолѣ. Вооруженіе тоже было самое разнообразное: виднѣлись ружья, пистолеты, но все больше топоры да дубины. И вся эта разнородная толпа кричала и ругалась. По дорогѣ она разбила два кабака и многіе были уже совсѣмъ пьяны. Какой-то приземистый, несовсѣмъ твердый на ногахъ старикашка, въ собольей шапкѣ и длинномъ плащѣ, кричалъ и махалъ руками больше всѣхъ. Его называли полковникомъ. Онъ выдѣлился изъ толпы и подошелъ, то и дѣло пу таясь въ своемъ плащѣ, къ крылечку.

— Эй, кто тутъ хозяинъ?

Степанъ Егоровичъ поднялъ на него сухіе горящіе глаза и, не тронувшись съ мѣста, не шевельнувшись, глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Я хозяинъ.

— Ну, такъ чего-же ты, господинъ честной, такой неласковый. Вставай, встрѣчай гостей, видишь, царское войско къ тебѣ пожаловало, да и самъ государь Петръ Ѳедоровичъ сейчасъ будетъ.

Степанъ Егоровичъ хотѣлъ было встать, да и опять опустился на ступеньки. Наумъ, все попрежнему спокойный и серьезный, снялъ шапку и низко поклонился говорившему. Старикашка не обратилъ на него никакого вниманія и опять заговорилъ Кильдѣеву:

— Да, постой-ка, голубчикъ, сперва-на-перво скажи-ка ты мнѣ: кому вѣруешь — Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ?

Вдругъ страшная злоба подступила къ сердцу Степана Егоровича; его руки невольно сжались въ кулаки; ему безумно захотѣлось на мѣстѣ уложить этого плюгаваго старикашку; ему захотѣлось громко прокричать имя

императрицы, а этого Петра Ѳедоровича обозвать его настоящимъ именемъ. Но мысль о томъ, что тамъ, сзади, въ комнатахъ, жена и огромное семейство, дѣти малъ-мала-меньше, эта мысль удержала его. Однако, увѣровать въ «Петра Ѳедоровича» онъ все-же не могъ и продолжалъ упорно молчать, глядя на кривлявшася передъ нимъ старикашку.

— Э! да ты, видно, упрямецъ! — ухмыляясь, произнесъ «полковникъ». — Ну, тамъ государь самъ тебя разберетъ, передъ нимъ не отмолчишься. А теперь пока подавай-ка свою казну, да смотри, ничего не утаивать — хуже будетъ!

— Нѣтъ у меня казны, — тихо проговорилъ Степанъ Егоровичъ. — Вонъ мои крестьяне тутъ съ вами... такъ спросите ихъ, какая у меня казна...

И замолчалъ.

— Чего съ нимъ разговаривать, — крикнулъ старикашка:— эй, въ домъ, на осмотръ, а его вяжите!

Мигомъ нѣсколько человѣкъ кинулись на Степана Егоровича. Онъ не сопротивлялся. Ему связали руки назадъ веревкой. Онъ

видѣль, какъ толпа разбойниковъ бросилась въ домъ; онъ чутко прислушивался почти съ остановившимся сердцемъ, — женскихъ и дѣтскихъ визговъ не было слышно, видно, всѣ успѣли выбратъся изъ дома, попрятаться. Но, вѣдь, гдѣ бы ни спрятались, всюду найдутъ разбойники, послѣдній часъ пришелъ.

Между тѣмъ, Наумъ, увидя, что Степана Егоровича вяжутъ, не бросился защищать его, а отошелъ тихонько, замѣшался въ толпу и переговаривался то съ тѣмъ, то съ другимъ мужикомъ.

— Вѣстимо, обидѣ отъ него не было, — говорили ему въ отвѣтъ:— да и взять съ него нечего, семья его одолѣла... ну, а все-жъ-таки баринъ онъ, да и не наша тутъ воля...

Въ это время гдѣ-то вблизи раздался звонъ бубенчиковъ, и вотъ лихая тройка въѣхала во дворъ. Въ покойной и дорогой коляскѣ, очевидно недавно еще принадлежавшей какому-нибудь богатому помѣщику, сидѣль развѣлясь высокій и плотный человекъ лѣтъ сорока пяти, въ треуголкѣ на годовѣ, въ бархатномъ камзолѣ и длинныхъ ботфортахъ. Въ толпѣ произошло движеніе, нѣкоторые сняли

шапки.

— А вотъ и самъ государь! — прошамкаль «полковникъ», приближаясь къ коляскѣ.

Сидѣвшій въ ней человекъ проворно вскочилъ безъ посторонней помощи и обратился къ «полковнику».

— Гдѣ-же хозяинъ? — спросилъ онъ.

— Здѣсь, государь-батюшка, да больно плохъ хозяинъ, дорогихъ гостей встрѣчать не умѣеть.

Пріѣхавшій пристально взглядѣлся въ Степана Егоровича; какая-то неуловимая улыбка мелькнула на красномъ, когда-то видно красивомъ, но теперь уже обрюзгшемъ лицѣ его. И Степанъ Егоровичъ взглянулъ на него, но тотчасъ-же отвелъ глаза свои въ сторону.

«Это Фирска, это тотъ самый злодѣй, который жжетъ, грабитъ и вѣшаетъ... значитъ, теперь уже скоро»...

Между тѣмъ старикашка «полковникъ» наклонился къ Фирскѣ и шепталъ ему:

— Тутъ невелика пожива, вѣдь, я говорилъ — бѣднякъ онъ какъ есть, дѣтей народилъ на удивленье всей губерніи, двадцать два человека. Развѣ что твоей милости, али изъ

насъ кому, дѣвчонки его приглянутся, ну, такъ можно будетъ забрать съ собой, а съ нимъ и толковать нечего, коли что, такъ вздернуть, и вся недолга.

Фирска повель на полковника своими большими, воспаленными глазами.

— Это тамъ видно будетъ, — сказалъ онъ:— я самъ съ нимъ потолкую, а нашимъ кому бы на деревню идти, кому тутъ остаться, да въ погребахъ пошарить, можетъ, что хмѣльное и найдется; только чуръ, безъ моего приказа и вѣдома никого не обижать и не трогать. Самъ учиню и судъ и расправу! Веди меня въ домъ, да и хозяина за мною.

Скоро въ маленькомъ покойчикѣ Степана Егоровича, передъ столомъ, на которомъ уже красовалась закуска и водка, неизвѣстно откуда добытыя, сидѣлъ Фирска, а передъ нимъ стоялъ приведенный двумя мужиками Кильдѣевъ.

— Развяжите ему руки, — приказалъ Фирска:— да ступайте, я самъ съ него допросъ сниму.

Совсѣмъ почти безчувственное состояніе нашло на Степана Егоровича; онъ ясно

видѣлъ все и всѣхъ, только какъ-то пересталъ соображать. Когда его развязали и оставили одного съ Фирской, онъ почти упалъ на стулъ, опустилъ голову и остался неподвижнымъ. Фирска приперъ дверь, подошелъ къ нему и грубымъ, нѣсколько охрипшимъ голосомъ повторилъ вопросъ старикашки:

— Кому вѣруешь, Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ?

Степанъ Егоровичъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, его снова охватило бѣшенство отчаянія. Онъ рванулся со стула и крѣпко схватилъ за плечи Фирску.

— Это ты-то Петръ Ѳедоровичъ?.. это тебѣ-то вѣровать? — крикнулъ онъ:— разбойникъ проклятый!

Фирска отстранилъ его своими сильными руками.

— Тише, хозяинъ, тише, неравно услышатъ, тогда будетъ плохо, да и ничего еще не видя, и не слѣдъ ругаться. А ты лучше поспокойся, да посмотри на меня попристальнѣе, можетъ, и признаешь.?

Степанъ Егоровичъ никакъ не ожидалъ подобной рѣчи; въ голосъ разбойника прозву-

чала какая-то мягкая, ласковая нота. Съ изумленіемъ онъ взглянулъ на него, и вотъ красное и пьяное лицо этого Фирски, этого страшилища, наводившаго ужась на всю окрестность, ему дѣйствительно показалось знакомымъ. Онъ глядѣлъ, глядѣлъ, припоминалъ что-то...

— Али не признаешь, Степанъ Егоровичъ, али ужъ такъ я измѣнился? Да и не мудрено, лѣтъ болѣе двадцати не видались. Я самъ бы тебя не призналъ, кабы невѣдомо мнѣ было, къ кому въ гости ѣду...

И говоря это, онъ улыбался. На его лицо изъ окошка падали послѣдніе отблески заката. Степанъ Егоровичъ вздрогнулъ, отшатнулся и вдругъ крикнулъ:

— Фирсъ Иванычъ, ты ли?! можно-ли быть тому?!

— Ну, вотъ и призналъ, старый пріятель... такъ-то лучше, теперь и потолкуемъ.

Степану Егоровичу казалось, что онъ спитъ и грезитъ; но ему некогда было изумляться, одна мысль, одно чувство наполняли его всего. Онъ кинулся къ разбойнику, слезы выступили на глазахъ его:

— Фирсь Иванычъ! — захлебываясь, говорилъ онъ:— тамъ у меня жена, дѣти, дочери спрятались... ихъ сейчасъ същутъ твои люди... погубятъ... защити... помилуй!..

Это страшилище, этотъ извергъ, упивавшійся кровью, былъ для Степана Егоровича теперь уже не страшилищемъ и не извергомъ, на него была одна надежда, онъ являлся единственнымъ заступникомъ и спасителемъ.

— Будь спокоенъ, пріятель, никто твоихъ не тронетъ — я ужъ распорядился. А теперь пойдешь, покажи мнѣ, гдѣ онъ спрятались — познакомь съ женой, съ дочками, пускай сюда вернутся въ домъ... нечего имъ прятаться, я карауль у дверей поставлю и, пока я твой гость, никто и пальцемъ тебя и твоихъ не тронетъ.

Фирсь отворилъ дверь и вышелъ, обнявъ и увлекая за собою шатающагося, будто совсѣмъ пьянаго хозяина.

VI

Двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, конечно, никому изъ товарищей и однополчанъ Фирса Ивановича не могло прійти въ голову, что онъ когда нибудь будетъ фигурировать въ роли атамана разбойничьей шайки, что его имя будетъ повторяться съ ужасомъ тысячами народа и останется заклеяннымъ самыми звѣрскими злодѣйствами. Тогда это былъ красавецъ юноша, милый и добрый товарищъ, шалунъ, всегда готовый на самыя смѣлыя выходки, часто попадавшійся и охотно выручаемый товарищами. Дружнѣе всѣхъ онъ былъ съ Кильдѣевымъ, жили они душа въ душу, и даже на одной квартирѣ. Фирсъ былъ года на два — на три моложе Кильдѣева, а потому тотъ относился къ нему, какъ старшій братъ, выручалъ его всячески, дѣлился съ нимъ послѣдней копѣйкой. Выйдя въ отставку и переселившись въ симбирскую глушь, Кильдѣевъ очень горевалъ о пріятелѣ, но сношенія ихъ прекратились; переписка тогда, въ особенности между молодыми офицерами, была дѣломъ непривычнымъ. Года че-

резь два, при случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ петербургскихъ знакомыхъ, Кильдѣевъ первымъ долгомъ спросилъ про Фирса и тутъ узналъ, что Фирсъ пропалъ безъ вѣсти. Случилась у него драка съ кѣмъ-то изъ товарищей; Фирсъ обладалъ громадной силой и въ бѣшенствѣ себя не помнилъ, — драка окончилась нечаяннымъ убійствомъ. Исторія выходила скверная, молодому сержанту приходилось тяжело расплачиваться — и вотъ онъ бѣжалъ изъ Петербурга, и никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Конечно, не будь этой пьяной драки, не будь шального удара, попавшаго прямо въ високъ товарищу, можетъ быть, Фирсъ, красивый и ловкій, любимый всѣми, сумѣлъ бы достигъ въ войскѣ большого чина и теперь, пожалуй, былъ бы однимъ изъ военачальниковъ, высланныхъ противъ самозванца.

Но шальной ударъ рѣшилъ иначе. Молодой сержантъ, превратившійся въ бродягу, безъ всякихъ средствъ, обязанный скрывать свое имя, принужденный сходиться съ людьми темными и бѣжать отъ общества, къ которому принадлежалъ и по

происхожденію, и по воспитанію, при этомъ обладая легкомысленнымъ, увлекающимся характеромъ, безъ силы воли, безъ нравственныхъ понятій, онъ съ каждымъ годомъ падалъ все ниже и ниже. Гдѣ только, гдѣ въ эти двадцать пять лѣтъ не прожигалъ онъ жизнь свою; вся Россія вдоль и поперекъ была ему знакома; и въ особенности знакомы были ему степи приволжскія, куда онъ не разъ уходилъ скрывать послѣ какой-нибудь крупной исторіи. Исторій-же у него было много: гдѣ ярмарка, тамъ ужъ и Фирсъ — маклачить, обманываетъ.

Не разъ набиралъ онъ шайку и задумывалъ и исполнялъ очень смѣлые грабежи. Съ прошлымъ своимъ онъ давно уже покончилъ, у него ничего не осталось отъ прежнихъ склонностей и привычекъ: это былъ настоящій типъ разбойничьяго атамана, который ни передъ чѣмъ не останавливался, который думалъ только объ удовлетвореніи страстей своихъ, продолжавшихъ кипѣть въ немъ, несмотря на немолодые годы, несмотря на тревожную и распутную жизнь, немогшую, однако, никакъ сломить его крѣпкаго

организма.

Такой человекъ, какъ Фирсъ, не могъ, конечно, пропустить Пугачевского времени, не могъ не сыграть своей роли, къ которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ. Онъ не присоединился къ самозванцу, потому что не терпѣлъ никакого подчиненія. Ему стоило только перемолвиться съ двумя-тремя подходящими людьми, стоило только съ ними показаться въ первомъ большомъ селѣ и назвать себя Петромъ Ѳедоровичемъ, какъ за нимъ повалила толпа народа.

У Фирса были административныя способности и даже нѣкоторый военный талантъ, благодаря которому, со своей отрепанной, разношерстной шайкой, онъ уже побѣдоносно выдержалъ стычку съ небольшимъ отрядомъ. Онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, грабя все по пути и съ каждымъ днемъ увеличивая свое войско, главныя силы котораго, вмѣстѣ съ большимъ обозомъ награбленнаго добра, расположены были теперь въ глухомъ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кильдѣвки.

Фирсъ не заглядывалъ ни въ далекое, ни

даже въ близкое будущее, какъ не заглядывалъ въ него и въ теченіе всей своей жизни. Онъ жилъ настоящимъ днемъ — «день мой — вѣкъ мой!» говорилъ онъ, какъ и всѣ ему подобные люди. Но у него было свое самолюбіе — ему теперь уже мало было этихъ грабежей по беззащитнымъ усадьбамъ, этой награбленной добычи; удачная стычка съ отрядомъ настоящаго войска его раззадорила, онъ замышлялъ идти на Симбирскъ, а потому подготовлялся, посылалъ въ Симбирскъ шпионовъ, заготовлялъ запасы оружія, подучалъ свое вейско. Его посланные рыскали во всѣ стороны, поднимая окрестныхъ крестьянъ и приводя ихъ къ нему въ ставку десятками.

Такъ, нѣсколько дней тому назадъ, были приведены и нѣкоторые изъ кильдѣевскихъ мужиковъ, которые и рассказали Фирсу о житьѣ-бытьѣ его стараго пріятеля.

Задумался Фирсъ, вспомнилась молодость и закадычный другъ, «старшій братецъ», какъ онъ тогда называлъ его. Можетъ быть, воспоминаніе этой искренней молодой дружбы было единственное; что сохранилось въ

сердцѣ Фирса отъ прежняго времени, отъ свѣжей и чистой когда-то юности — не все, вѣдь, умираетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Захотѣлось страшному «пугачу» повидать Степана Егоровича и быть ему полезнымъ въ такое тяжелое время; да и всѣ обстоятельства такъ сложились, что оба они другъ другу могли пригодиться. Въ лѣсу стоянка была неудобная, а укромная усадьба, съ селеніемъ подъ бокомъ, при рѣчкѣ, среди рощъ и лѣсовъ, была куда лучше. Въ этой усадьбѣ безъ большихъ хлопотъ и построекъ можно было сдѣлать и складъ награбленныхъ богатствъ, однимъ словомъ, устроить свою резиденцію, да еще и съ единственнымъ другомъ пожить послѣ такой долгой разлуки. Такая мысль пришла вдругъ въ голову Фирсу, а разъ ему приходила какая-нибудь мысль, онъ имѣлъ обычай тотчасъ-же и исполнять ее.

Отрядивъ нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ своей шайки со старымъ приказнымъ, переименованнымъ въ «полковника», онъ приказалъ имъ идти въ Кильдѣевку, но ничего не грабить и отнюдь никого не трогать до его прибытія. Онъ не удержался, чтобы не

устроить маленькой комедіи, чтобы не пошутить, не попугать пріятеля, конечно, не сообщая, что такія шутки иногда очень плохо кончаются. Бѣдный Степанъ Егоровичъ чуть съ ума не сошелъ отъ пріятельской шутки; но когда нѣсколько успокоился, когда убѣдился, что пьяная шайка хотя относится къ Фирсу и не какъ къ государю Петру Ѳедоровичу, но все же находится у него въ полномъ повиновеніи — почувствовалъ себя почти совсѣмъ счастливымъ. Вѣдь, ужъ такъ и считалъ, что всѣмъ смертный часъ пришелъ, а тутъ вдругъ всѣ живы остались и близкой опасности не предвидится, такъ какъ-же не радоваться, какъ-же не благодарить Бога. О дальнѣйшемъ-же, конечно, еще не было времени подумать.

Странное явилось тоже у Степана Егоровича отношеніе къ Фирсу; онъ хорошо сознавалъ, что это разбойникъ, убійца, погибшій и страшный человекъ, но въ то-же время онъ не могъ не видѣть въ немъ и прежняго друга Фирса, не могъ не быть ему благодарнымъ за сегодняшнее спасеніе его семейства. Вѣдь, не явись самъ Фирсъ, не сдѣлай должныхъ

распоряженій — люди его шайки сами собой нагрянули бы не сегодня, такъ завтра, и всѣхъ бы перебили. Но къ этому чувству благодарности присоединилось все-таки и сознание, что съ разбойникомъ и самозванцемъ Фирской нужно держать себя иначе, чѣмъ съ другомъ Фирсомъ Ивановичемъ.

«Кто его знаетъ, каковъ онъ теперь, — вотъ про старое вспоминаетъ, а вдругъ что-нибудь не по нраву ему покажется, и вмѣсто благодѣтеля сдѣлается убійцей».

Тяжело, странно, неловко становилось Степану Егоровичу; но мысль о спасеніи своихъ близкихъ, кровныхъ, своего дорогого «улья», царила надъ всѣми другими мыслями и ощущеніями и заставляла его бережно относиться къ Фирсу, всячески стараться ничѣмъ не раздражать его.

Съ сердечнымъ замираніемъ указаль онъ своему другу-разбойнику то мѣсто, гдѣ скрывались Анна Ивановна, и дѣти. Перепуганныя и измученныя, онѣ, по приказу отца, стали мало-по-малу выходить изъ своей засады. Анна Ивановна, чуть не помѣшавшаяся отъ страха и отчаянія, какъ увидала, что ихъ не

хотятъ казнить, что Степанъ Егоровичъ не боится очевидно страшнаго атамана и обращается съ нимъ довольно свободно, даже не задумалась надъ тѣмъ, что все это значить. Она кинулась Фирсу въ ноги и стала умолять его сжалиться надъ ея дѣтьми и не давать ихъ въ обиду. Фирсъ собралъ всю любезность, на какую былъ еще способенъ, увѣрилъ ее, что ей нечего бояться; и въ свою очередь просилъ ее быть доброй хозяйкой, не гнать незваныхъ гостей. Она нѣсколько успокоилась, но въ тоже время ослабѣла и сидѣла, какъ-то безмысленно смотря передъ собою и по временамъ вздрагивая.

Глядя на нее, Фирсъ прямо почелъ ее душой и, конечно, не сообразилъ того, что это его пріятельская шутка ее душой сдѣлала.

Фирсъ былъ въ отличномъ настроеніи духа. Онъ съ интересомъ разглядывалъ всѣхъ дѣтей Степана Егоровича.

— Вотъ ужъ и видно, что тебѣ благодать Божья! — обратился онъ къ хозяину. — Сказывали мнѣ твои мужики, что у тебя дѣтокъ двадцать два человѣка, да я было имъ не повѣрилъ. А дочки-то, вѣдь, уже невѣсты... да

и какая у тебя эта красавица, братецъ... Какъ зовуть-то? — прибавилъ онъ, указывая на Машеньку, бывшую посмѣлье прочихъ и хотя съ большимъ страхомъ, но и не безъ интереса на него посматривавшую.

— Марьей зовуть, — отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ дрогнувшимъ голосомъ.

У него явилось новое опасеніе:

«А ну какъ пріятель захочетъ воспользоваться своею силой?! вѣдь, говорятъ про него, что онъ отовсюду дѣвокъ къ себѣ въ ставку таскаетъ».

А пріятель въ это время подходилъ уже къ Машенькѣ, которая трусливо пятилась отъ него, пока не наткнулась на стѣну.

— Не пугайся меня, сударыня Марья Степановна, — проговорилъ Фирсъ, стараясь изобразить на своемъ красномъ, но все еще красивомъ лицѣ, ласковую улыбку:— прошу любить да жаловать.

Онъ вспомнилъ совсѣмъ почти позабытое имъ петербургское обращеніе и звонко поцѣловалъ у Машеньки руку. Она вскрикнула и бросилась бѣжать изъ комнаты.

Фирсъ смѣялся.

— Неужто я такой страшный, Степанъ Егоровичъ, что красныя дѣвицы отъ меня бѣгають? Ну, да вотъ постоитъ, познакоимся поближе, тогда авось Марья Степановна перестанетъ меня бояться.

Защемило сердце у Степана Егоровича. Въ это время вошелъ разбойничій «полковникъ» и съ видимымъ изумленіемъ и подозрительно оглядѣлъ всѣхъ и каждого. Онъ не былъ посвященъ въ тайну Фирсовой шутки и не могъ понять, что все это значитъ, какимъ образомъ помѣщичьему семейству удалось избѣгнуть казни и почему свирѣпый Фирска въ такомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи духа. Онъ нашелъ нужнымъ продолжать свою роль и, низко поклонившись атаману, хриплымъ и дребезжащимъ голосомъ, произнесъ:

— Какое приказаніе изволишь дать, государь?

— А это вотъ нужно потолковать съ хозяиномъ да съ хозяйкой, — отвѣтилъ Фирсъ:— и какъ они укажутъ, такъ намъ и размѣститься.

VII

Черезъ недѣлю невозможно было и узнать Кильдѣевскую усадьбу. Совсѣмъ новая дѣятельность закипѣла въ «ульѣ» Степана Егоровича. Появился новый шмель — шумливый, грубый и страшный и заставилъ пріумолкнуть и попрятаться прежнихъ маленькихъ пчелокъ. Фирсъ остался вѣренъ внезапно пришедшей ему мысли. Кильдѣевка пришла къ нему по нраву.

На просторномъ, заросшемъ густою травой дворѣ Степана Егоровича появились плотники изъ шайки «пугача», навезли бревень и стали строить разные сараи и вышки. Работа кипѣла и, по мѣрѣ того какъ поспѣвала та или другая постройка, изъ глухого лѣса, изъ прежней стоянки, появлялись обозы за обозомъ. Приходили эти обозы по большей части ночью, а Степанъ Егоровичъ не зналъ, что именно привозится и складывается въ сараи; но хорошо все-таки зналъ, что это добро, награбленное шайкой Фирса.

Положеніе Степана Егоровича было таково, что онъ не могъ рѣшить, слѣдуетъ ли ему

благодарить Бога за свое спасеніе, или ожидать, безъ всякой вины съ своей стороны, скорой кары.

«Не можетъ-же это безъ конца продолжаться, — думаль онъ:- не вѣчно-же будутъ торжествовать разбойники. Вышлетъ государыня большое войско, переловятъ всѣхъ, начиная съ атамана, узнаютъ, конечно, гдѣ его ставка... выслѣдятъ... придутъ сюда, въ усадьбу, и тогда что-же? Улики будутъ на лицо, кто повѣритъ, что онъ, Степанъ Егоровичъ, тутъ непричемъ. Онъ будетъ уличенъ по меньшей мѣрѣ въ близкихъ отношеніяхъ къ самозванцу-разбойнику, въ укрывательствѣ его и добра, имъ награбленнаго. Но что-же ему дѣлать? Еслибы можно было убѣжать съ семействомъ куда-нибудь, конечно, онъ воспользовался бы первой минутой, но бѣжать ему некуда. Вонъ Фирсъ уже прямо въ первый-же день сказалъ ему:

— Ты, братъ, не подумай, что я выживать тебя съ семьею нагрянулъ, говорю — будь покоенъ... За мною да за моими людьми всѣ въ охранѣ. А кабы до моего прихода, либо теперь съ глупаго страха, который, сдается мнѣ,

сидить въ тебѣ, да вздумаль ты бѣжать, то тутъ бы и была твоя погибель. Ты вотъ сидишь здѣсь у себя и ничего не знаешь, а я, братъ, хорошо знаю, что на свѣтъ нонѣ дѣлается; бѣжать нынче некуда — кругомъ версть на пятьдесятъ мои владѣнія, а дальше другіе орудуютъ. Нигдѣ нельзя тебѣ будетъ пробраться, задаромъ только погубишь и себя и дѣтокъ.

Степанъ Егоровичъ хорошо зналъ, что Фирсъ говоритъ правду, и на возможность побѣга не разсчитываль. Единственное его утѣшеніе было въ первый день, когда Фирсъ отправился со своими въ набѣги, это бесѣда съ Наумомъ. Въ противоположность своему господину, Наумъ нисколько не тревожился и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи. Когда Степанъ Егоровичъ повѣрялъ ему свой страхъ относительно предстоящей кары за укрывательство разбойничьей шайки, онъ покачиваль головою и улыбался.

— За что-же это ты отвѣчать будешь, батюшка Степанъ Егоровичъ? — говорилъ онъ ему. — Ужъ коли разбойникъ и душегубецъ, и то свою правду имѣеть, такъ неужто царскаго

войска бояться? Какой ты укрыватель, а тягаться съ этакой аравой гдѣ-же! Нишкни только, молчи, не супротивничай Фирскѣ, то бишь Петру Ѳедоровичу, да Господа Бога благодари, что это такъ повернулось... страху-то что было, страху, а теперечи нечего гнѣвить Господа, совсѣмъ отлегло!. А вотъ что лучше, батюшка Степанъ Егоровичъ, нонѣ-то они всѣ схлынули, всѣ какъ есть, самъ-то призывалъ меня и говоритъ: „раньше трехъ дней назадъ не буду, такъ ужъ ты береги мои сараи, коли что, такъ съ тебя и отвѣтъ.“ А въ новый-то сарай вчерашней ночью, примѣтилъ я, много добра понавезли — пойдемъ-ка, сударь батюшка, обойдемъ дворъ-то, можетъ, не все позаперли.

Степанъ Егоровичъ бралъ шапку и отправлялся съ Наумомъ на осмотръ.

Однако, разбойники, оставляя Кильдѣевку, имѣли обыкновеніе все запирають крѣпкими засовами да замками, и Степану Егоровичу съ Наумомъ не приходилось разсмотрѣть добра, которое теперь вмѣщала въ себѣ испоконъ вѣковъ бѣдная Кильдѣевка.

— Эхъ, да кабы ихъ переловили, а добро бы

это тебѣ осталось! — весело ухмыляясь, говорилъ Наумъ.

Онъ и всегда-то былъ почти за-панибрата съ своимъ невзыскательнымъ, не менѣе его самого работавшимъ всякую не барскую работу господиномъ, а ужъ теперь они окончательно позабыли разницу своего положенія. Господинъ и крѣпостной слуга были друзьями, да еще слуга имѣлъ очевидно перевѣсъ надъ господиномъ, имѣлъ на него вліяніе, ободрялъ его и успокоивалъ. Не будь Наума, Степанъ Егоровичъ, конечно, несравненно больше мучился бы душою; да, пожалуй, съ этихъ мученій рѣшился бы на какой-нибудь шагъ необдуманнѣй, въ которомъ потомъ пришлось бы горько раскаяваться. И не на одного Степана Егоровича дѣйствовалъ Наумъ успокоивающимъ образомъ, ободрялъ онъ и Анну Ивановну, и молодыхъ барышень, и малыхъ дѣтокъ.

Анна Ивановна очень измѣнилась за это послѣднее время, какъ-то вдругъ осунулась и состарѣлась. Тяжелые дни Пугачевщины, а главнымъ образомъ шутка Фирски, не прошли ей даромъ; роль хозяйки разбойничьяго

гнѣзда была ей тяжела; она не могла не дрожать денно и ночью за молоденькихъ дочерей своихъ. Степанъ Егоровичъ не въ силахъ былъ успокоить ее, потому что раздѣлялъ ея страхи, а Наумъ успокаивалъ, онъ отвлекалъ ея мысли отъ всего мрачнаго, толковалъ о скоромъ избавленіи отъ всей этой оравы.

— Вотъ постой, матушка барыня, — убѣжденнымъ тономъ повторялъ онъ:— схлынетъ эта негодница, и заживемъ мы какъ у Христа за пазухой, а пока пускай себѣ у насъ напиваются да нажираются, вари имъ щей, наливай имъ водку, пеки блины да пироги, жарь поросятъ да телятъ, благо всего этого добра у насъ теперь вдоволь.

Добра было, дѣйствительно, вдоволь: возвращаясь со своихъ набѣговъ, Фирсъ волочилъ за собою въ Кильдѣевку всякую провизию и сдавалъ все это на руки Аннѣ Ивановнѣ. Старой стряпухѣ Кильдѣевской, да и самой Аннѣ Ивановнѣ съ дочками, была въ кухнѣ теперь большая работа.

Вообще благосостояніе усадьбы росло съ каждымъ днемъ. Фирсъ, конечно, сразу замѣтилъ бѣдность своего стараго друга,

замѣтилъ, что многочисленныя дѣтки его, и въ томъ числѣ хорошенькая Машенька, были очень плохо одѣты и обуты. Послѣ первой-же отлучки своей изъ Кильдѣевки, онъ навезъ всему семейству разныхъ нарядовъ и требовалъ, чтобы дѣти и дѣвицы тотчасъ-же нарядились въ обновки. Младшія дѣти, уже переставшія бояться Фирса, обрадовались несказанно; но старшія дочери Степана Егоровича, какъ и онъ самъ съ женою, Богъ знаетъ сколько дали бы, чтобы избавиться отъ любезностей и подарковъ своего безцеремоннаго гостя. Всѣ они хорошо знали, до какой степени возмутительны эти подарки и до какой степени они страшны: вѣдь, всѣ эти наряды награблены по богатымъ барскимъ усадьбамъ, эти наряды принадлежали несчастнымъ жертвамъ разбойниковъ. Но съ Фирской толковать нечего, онъ требуетъ, и его требованіе должно быть исполнено. Кильдѣевскія барышни-босоножки разрядились франтихами, а сами дрожали — имъ казалось, что на платьяхъ ихъ кровь.

VIII

И такъ, Степанъ Егоровичъ и по собственному пониманію, и по совѣтамъ Наума, положилъ всячески ублажать своего страшнаго друга и ни въ чемъ ему не перечить. Но было, однако, обстоятельство, гдѣ онъ рѣшился пойти наперекоръ Фирсу.

Проживъ около недѣли въ Кильдѣевкѣ послѣ послѣдняго набѣга, Фирсъ какъ-то получилъ благопріятное извѣстіе и рѣшился снова «выступить въ походъ», какъ онъ выражался. Онъ сдѣлалъ смотръ своимъ главнымъ силамъ, расположеннымъ по избамъ въ деревнѣ (въ домѣ Кильдѣева жилъ только самъ онъ со своимъ деньщикомъ, очень глупымъ, но необыкновенно сильнымъ малымъ изъ башкирцевъ, да въ людскихъ и на дворѣ, въ одномъ изъ новопостроенныхъ сараевъ, помѣщалось десятка полтора его людей; старый подъячій, «полковникъ», помѣщался на деревнѣ, въ избѣ Наума, гдѣ онъ ужъ завелъ для себя извѣстнаго рода комфортъ). Вернувшись со смотра, Фирсъ вдругъ объявилъ Степану Егоровичу:

— А вотъ, что я надумалъ — поѣдемъ-ка, братецъ, съ нами, что ты все тутъ киснешь, мы съ тобой славно попируемъ... Знаешь, чай, село Кирсаново, вѣдь, это всего верстъ тридцать отсюда. Сидитъ тамъ старый воронъ въ своихъ каменныхъ палатахъ, добра, баютъ люди, видимо невидимо, ну такъ этого стараго ворона мы спихнемъ и знатно попируемъ... Ъдемъ, братъ, ъдемъ тутъ и толковать нечего...

Степанъ Егоровичъ поблѣднѣлъ, но все-же твердымъ голосомъ отвѣчалъ Фирсу:

— Никуда я съ тобой не поѣду.

Фирсъ поморщился и какъ-то криво усмѣхнулся.

— Зачѣмъ такъ? — проговорилъ онъ.

— А затѣмъ, что не подобаешь мнѣ съ тобой ѣздить... Я тебѣ не указчикъ и не судья — Богъ тебѣ судьей будетъ, передъ нимъ ты и отвѣтишь. Я вотъ смерти отъ тебя себѣ и своимъ ожидалъ, ты насъ въ живыхъ оставилъ, зла намъ не сдѣлалъ, ну, и спасибо тебѣ великое... Полюбилась тебѣ Кильдѣевка — и живи въ ней, дѣлай, что знаешь. А душу мою не трожь... оставь: въ твоей власти убить меня,

это такъ... кликни, коли хочешь, башкирца своего, прикажи ему связать меня по рукамъ и по ногамъ и тащи меня куда знаешь, а доброй волей никуда я съ тобой не поѣду.

Степанъ Егоровичъ замолчалъ, тяжело переводя дыша. нѣ и быстро шагая по маленькой комнаткѣ, своей прежней рабочей комнаткѣ, теперь превращенной въ обиталище «Петра Ѳедоровича», усталанной и обвѣшанной дорогими коврами, наполненной всякимъ оружіемъ и вещами.

— И это твое послѣднее слово? Такъ-таки и не поѣдешь?

— Не поѣду, хоть сейчасъ-же на висѣлицу тащи, не поѣду!..

— Зачѣмъ на висѣлицу, а что стараго друга потѣшить не хочешь, это неладно. Ну, да что съ тобой дѣлать, коли нѣтъ — такъ нѣтъ!

Видимо раздраженный, Фирсъ вышелъ изъ комнатки, на весь домъ гаркнулъ, чтобы ему запрягали его коляску, и скоро уѣхалъ, не простившись съ хозяиномъ.

Всѣ въ домъ вздохнули свободно, барышни сняли съ себя дареные наряды, надѣли свои старенькія платьица и вышли на крылечко,

дѣти разсыпались по огороду. Степанъ Егоровичъ тоже вышелъ изъ дому и пошелъ отыскивать своего Наума, безъ котораго не могъ теперь прожить часу. А Наумъ и самъ идетъ къ нему навстрѣчу.

— Улетѣли вороны! — въ одинъ голосъ сказали другъ другу и господинъ и приказчикъ.

Степанъ Егоровичъ, конечно, сейчасъ-же повѣдалъ Науму о своемъ разговорѣ съ Фирсомъ. Наумъ нѣсколько заинтересовался.

— Ну, и что-же онъ, не неволилъ?

— Нѣтъ, только непонутру это ему было.

— Вотъ это ладно, сударь, что съ нимъ не поѣхалъ — это не слѣдъ, да нонѣ и опасно. А я къ твоей милости шелъ — хошь диковинку покажу? Тутъ недалече — пойдемъ-ка!

— Что такое?

— А вотъ самъ увидишь, потерпи малость.

Степанъ Егоровичъ послѣдовалъ за Наумомъ. Они вышли со двора и направились въ маленькую рощу, которая доходила до самой церкви. Наумъ велъ Степана Егоровича по тропинкѣ, нѣсколько разъ останавливался, прислушиваясь; но ничего не было слышно,

тишина окрестъ стояла невозмутимая. Тропинка заворачивала и выходила въ поле, а на самомъ ея поворотѣ стоялъ старый дубъ. Наумъ вдругъ остановился и указалъ на этотъ дубъ рукою.

— Глянька-съ! — сказалъ онъ.

Степанъ Егоровичъ глянулъ, да такъ и обмеръ: на дубѣ, на толстомъ суку виситъ человекъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, взглядѣлся и крикнулъ:

— Господи! да это отецъ Матвѣй... это его они, разбойники, повѣсили... и не шелохнется... померъ!..

Ужасъ охватилъ Степана Егоровича при этомъ, никогда еще не виданномъ имъ, зрѣлищѣ. Онъ перекрестился и стоялъ не шевелясь, невольно глазъ не отрывая отъ страшнаго дерева.

— Да когда-же это было? Неужто Фирсъ?!

— А на зарѣ еще, — отвѣчалъ Наумъ:— и Фирсъ, надо сказать, тутъ непричемъ, а это башкирцы да татарва проклятая. Много, вѣдь, у него этихъ нехристей въ шайкѣ — и страсть они поповъ не любятъ. Какъ тамъ отецъ Матвѣй ни увивался передъ ними, какъ ни

ублажалъ ихъ — не могъ потрафить. Домишко-то его они начисто ограбили. Еще намеренны на деревню слышалъ я, галдѣли промежъ собой: «доберемся до попа, вздернемъ». Ну, вотъ и вздернули... Подобрались они это ночью, выволокли его, сердечнаго, никто и не слышалъ; а дочекъ, поповенъ-то, обѣихъ связали, платки въ ротъ, чтобы въ усадьбу крику не слышно было, да на деревню. Онѣ и посейчасъ тамъ воютъ — ажно смотрѣть жалко... и ужъ надругались-же надъ ними разбойники, охъ, горькаго сраму!..

Наумъ замолчалъ. Молчалъ и Степанъ Егоровичъ, опустивъ голову и чувствуя, какъ на глаза набѣгаютъ слезы.

«Вотъ и отецъ Матвѣй, — думалось ему: съ крестомъ да хоругвями встрѣтилъ „Петра Ѳедоровича“ и только грѣхъ взялъ на душу, а не избѣгъ погибели, а дѣвочки, чѣмъ-же онѣ-то виноваты? Старшая вонъ и невѣстой ужъ была».

— Ну, что-же теперь, Наумъ? — очнувшись сказалъ онъ: — вѣдь, благо нѣту разбойниковъ, отца то Матвѣя съ честью похоронить надо бы!

— Затѣмъ и привелъ тебя, сударь. Какъ теперь прикажешь?

Степанъ Егоровичъ съ тяжелымъ чувствомъ распорядился похоронами, а самъ поспѣшилъ на деревню, чтобы поскорѣе увести несчастныхъ поповенъ къ себѣ и сдать ихъ на попеченіе Анны Ивановны и дочекъ. На бѣдныхъ дѣвушекъ безъ тоски глядѣть было невозможно. Онѣ ужъ знали объ участи, постигшей отца ихъ, но отца онѣ не особенно горячо любили, у нихъ было другое, болѣе тяжкое горе: ихъ юность была поругана самымъ жестокимъ, самымъ отвратительнымъ образомъ.

Весь этотъ день въ кильдѣевскомъ домикѣ слышались стоны и рыданія.

IX

Фирсь на этотъ разъ пробыль въ отлучкѣ двѣ недѣли и вернулся окруженный своей ватагой, съ шумомъ и гамомъ, на лихой тройкѣ, изукрашенной лентами и бубенчиками. Онъ былъ уже полупьянъ, очень веселъ, и очевидно совсѣмъ позабыль размолвку, происшедшую между нимъ и Степаномъ Егоровичемъ передъ отъѣздомъ. Онъ шумно съ нимъ расцѣловался, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ и домочадцамъ, что все это время скучалъ по нимъ и теперь радъ отдохнуть въ тишинѣ и съ милыми людьми.

— А вы, ребятки, что смотрите? — обратился онъ къ дѣтямъ:— думаете, съ пустыми я руками? — Анъ нѣтъ, всѣмъ гостинцевъ навезъ, никого не забылъ. Теперь вотъ поздно, поужинать да и спать пора, а подождите, завтра утромъ увидите...

Онъ пристально, пристально взглянулъ на Машеньку, такъ что она вся покраснѣлась подъ его взглядомъ и не знала, куда дѣваться. Ужъ не въ первый разъ такъ глядитъ онъ на нее и ей неловко, ей страшно, а теперь, послѣ

всѣхъ ужасовъ съ дочерьюми отца Матвѣя, она сама не своя, жметя къ матери. Но Фирсъ по-видимому не обратилъ никакого вниманія на ея смущеніе и продолжалъ, разговаривая со Степаномъ Егоровичемъ, время отъ времени на нее поглядывать. Послѣ ужина, за которымъ Фирсъ выпилъ изрядно вина и окончательно развеселился, рассказывая подвиги своей шайки, всѣ разошлись спать. Фирсъ затворился въ своей комнатѣ, а Машенька, думая, что она въ безопасности отъ его страшныхъ взглядовъ, вышла на крылечко немного подышать воздухомъ. Но не успѣла она полюбоваться на темное звѣздное небо, съ котораго то и дѣло отрывались и скатывались падучія звѣзды, какъ вдругъ почувствовала возлѣ себя чье-то дыханіе. Она обернулась. Въ полусумракѣ передъ нею обрисовалась фигура Фирса. Она хотѣла крикнуть, но будто онѣмѣла, будто окаменѣла отъ страха и стояла неподвижно, какъ несчастный звѣрекъ, заколдованный присутствіемъ страшнаго, громаднаго врага, приготовляющагося проглотить его.

— Это ты, Машенька? — у самаго уха ея

раздался голосъ Фирса.

Она не отвѣчала.

— Ну, и хорошо, голубушка, — продолжалъ онъ:— что мы еще встрѣтились нынче, а то я совсѣмъ запамятовалъ, вѣдь, у меня въ карманѣ подарочекъ тебѣ припасенъ, миленькая ты моя! На вотъ, возьми, жемчугъ это, ожерелье... славный жемчугъ, крупныя такія зерна, одно къ одному...

Машенька дрожала всѣмъ тѣломъ, но не шевелилась, будто приросла къ мѣсту. А онъ продолжалъ.

— Да постой-ка, я самъ на твою шейку его надѣну.

Своей крѣпкой, будто желѣзной рукой онъ охватилъ ея станъ. Она почувствовала прикосновеніе чего-то будто холоднаго къ своей шеѣ. Ей подумалось, что это ножъ, либо топоръ, что вотъ сейчасъ онъ зарубить ее. У нея начинала голова кружиться, въ глазахъ ходили какіе-то красныя круги, но не было силъ вырваться, убѣжать. Онъ крѣпко, крѣпко ее обнялъ, прижалъ къ своей груди и сталъ осыпать горячими поцѣлуями ея помертвѣвшее, похолодѣвшее лицо. Тутъ

только она слабо вскрикнула и стала отъ него отбиваться.

— Пусти, пусти! — отчаянно прошептала она и зарыдала.

Онъ нѣсколько изумился и выпустилъ ее.

— Ахъ, Машенька! Да какая-же ты еще дурочка! — проговорилъ онъ и пошатываясь прошелъ въ свою комнату.

А она съ громкими рыданіями кинулась къ матери и сестрамъ.

Фирсъ растянулся на постели, хмель еще не совсѣмъ разобралъ его, встрѣча съ Машенькой прогнала его сонливость. Онъ лежалъ и мечталъ:

«Чортъ возьми! Славная дѣвка, давно такая не подвертывалась».

Машенька съ перваго дня его появленія въ Кильдѣевкѣ произвела на него сильное впечатлѣніе, и если онъ до сихъ поръ сдерживался, то единственно потому, что она была дочерью Степана Егоровича и что отнести къ ней такъ, какъ онъ всегда относился къ встрѣчавшимся ему женщинамъ, ему все-же было неловко. Но чѣмъ онъ больше себя сдерживалъ, тѣмъ, естественно, Машенька каза-

лась ему привлекательнѣе. Въ эти послѣднія двѣ недѣли, несмотря на все буйство и развратъ, которому онъ предавался, онъ то и дѣло вспоминалъ о ней. Онъ привезъ ей прекрасный жемчугъ, добытый при разгромѣ богатаго помѣстья въ укладкѣ старой боярыни, онъ рассчитывалъ на дѣйствіе этого жемчуга; но теперь, несмотря на свое опьянѣніе, не могъ не замѣтить, что внушаетъ Машенькѣ большой страхъ.

«Э-эхъ, дурочка!» самъ себѣ улыбаясь, прошепталъ онъ. «Ну, да перестанетъ бояться, и ужъ какъ тамъ ни на есть, а завтра же это дѣло надо будетъ кончить, ужъ я ее не выпущу...»

И съ этимъ рѣшеніемъ онъ захрапѣлъ.

Х

Кильдѣвы проснулись рано на слѣдующее утро, да и всю ночь имъ плохо спалось. Разсказъ перепуганной Машеньки произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Какъ теперь быть? Что дѣлать? Первою мыслью было спрятать Машеньку, удалить куда-нибудь изъ дому; но тутъ-же сейчасъ всѣ и поняли, что это немыслимо.

— Но не отдавать-же ее на погибель?! — ломая руки и плача, повторяла Анна Ивановна.

— Авось я какъ-нибудь удержу его, авось въ немъ хоть настолько совѣсти осталось! — мрачно говорилъ Степанъ Егоровичъ. — А ты, жена, ни на шагъ не отпускай ее отъ себя.

Только что Фирсъ проснулся, какъ Степанъ Егоровичъ уже былъ передъ нимъ и держалъ въ рукѣ жемчужное ожерелье. Фирсъ изумленно взглянулъ на мрачное лицо стараго пріятеля, потомъ перевелъ, взгляды на жемчугъ и усмѣхнулся.

— Это ты что-же, Степушка, никакъ мой подарокъ назадъ мнѣ тащишь? этакъ-то,

вѣдь, не годится... этакъ мнѣ въ обиду будетъ. Я для твой доченьки самъ его выбралъ, хотѣлъ побаловать... съ чего-же это ты?..

— Моя дочь не привыкла къ такимъ подаркамъ, — отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ и горькая тоска изобразилась на лицѣ его. — Ты знаешь, мы бѣдные люди... были бы сыты и за то благодарны Богу... Моимъ дочерямъ не носить жемчуговъ, мы съ женой въ страхъ Божию, да въ чистотѣ ихъ выростили, такъ грѣхъ тебѣ такъ порочить моего ребенка...

— Да развѣ я что-нибудь... развѣ я... — перебилъ его Фирсъ.

— Да ты тоже побаловать ее вздумалъ и своими поцѣлуями!.. А еще про нашу старую дружбу говорилъ мнѣ... Э-эхъ, мало тебѣ, что ли, другихъ? моя дочка понадобилась... на вѣки опозорить всѣхъ насъ хочешь... другъ тоже... надумайся, будь человѣкомъ, а не звѣремъ... ну, вотъ, ну, хочешь, я на колѣняхъ буду молить тебя... не губи моего дѣтища!..

Фирсъ поднялся съ мѣста и сверкнулъ глазами; но вдругъ опять улыбка набѣжала на лицо его.

— Степушка, чего ты причитаешь, какъ ба-

ба? не къ лицу это старому солдату... съ чего ты взялъ, что я позорить тебя хочу, стараго друга? у меня и въ мысляхъ того не было, а что я дочку твою вчера подъ хмѣлькомъ поцѣловалъ, въ этомъ еще бѣды большой нѣту. Будемъ говорить напрямикъ, полюбилась мнѣ твоя дочка... ну, самъ знаю, не молодъ я, да, вѣдь, и не старъ еще... за себя постою... Ты думаешь, я что? такъ, для баловства? анъ нѣтъ, ты мнѣ отдай свою Марью Степановну въ законное супружество, пусть попъ насъ обвѣнчаетъ, справимъ мы свадьбу на славу. Это не ты мнѣ, а я тебѣ въ ножки поклонюсь, да Аннѣ Ивановнѣ... Такъ какъ-же, отдаешь?.. по рукамъ, что ли, дружнице?

Къ такой развязкѣ Степанъ Егоровичъ совсѣмъ не былъ приготовленъ. Но она нисколько не прекращала его муки: дѣло запутывалось. «Фирсъ — женихъ, мужъ Машеньки! разбойникъ, котораго вотъ-вотъ схватятъ и повѣсятъ, и честный, старый Кильдѣевскій родъ будетъ на вѣки опозоренъ. А между тѣмъ, отказать ему — онъ оскорбится, онъ изъ себя выйдетъ. Теперь онъ еще нѣтъ-нѣтъ

да и прежнимъ Фирсомъ кажется, а тогда ужъ Фирса совсѣмъ не станетъ, останется только злодѣй и убійца, и онъ не пощадитъ... никого не пощадитъ».

Степанъ Егоровичъ молчалъ. А между тѣмъ Фирсъ стоялъ и ждалъ отвѣта.

— Такъ какъ-же, — наконецъ, сказалъ онъ:— или ты мнѣ отказываешь? Видно, плохой я женихъ... почище кого-нибудь надо. Да ты слушай-ка, разбери по ряду, ты, можетъ, думаешь, что я такую жизнь всегда буду вести? нѣтъ, братъ, мнѣ вотъ только до Симбирска добратъся, и тогда я забастую. У меня ужъ и мѣстечко есть на примѣтъ, куда на первое время скрыться можно будетъ. Пожди только, еще какъ заживемъ-то, всему міру на удивленіе! Жена-то моя, хоть я и не Петръ Ѳедоровичъ, а не хуже заправской царицы роскошествовать будетъ. Эхъ, Степушка, не отказывай мнѣ, не наноси кровной обиды — боюсь, не снесу!..

И Степанъ Егоровичъ видѣлъ, что онъ, дѣйствительно, не снесетъ, видѣлъ еще разъ, что этому человѣку нельзя перечить. Тамъ, что еще будетъ, можетъ, Господь спасетъ, а

теперь, на словахъ, нужно согласиться, вѣдь, не сейчасъ-же свадьба, не сейчасъ вѣнчанье, можетъ, удастся протянуть время, можетъ, придетъ помощь.

— Чего-же мнѣ тебѣ отказывать, — сказалъ Степанъ Егоровичъ:—только, вѣдь, никакъ я не ждалъ этого. Дай мнѣ придти въ себя, дай оглядѣться, такое дѣло нельзя въ одну минуту покончить. Пускай все будетъ по-человѣчески, дай приготовить дѣвку... молодая, вѣдь, почти ребенокъ... ее вразумить надо.

Фирсъ подумалъ съ минуту.

— Ну, ладно, Степушка, дѣлай, какъ знаешь. Только чуръ, не долго тяни ты, говорю, больно мнѣ полюбилась Марья Степановна, такъ ждать-то, да тянуть мнѣ совсѣмъ неохота.

ХІ

Хотя Степанъ Егоровичъ и выпросилъ у Фирса отсрочку для того, чтобы приготовить Машеньку, но это приготовленіе было довольно странное: Анна Ивановна заперлась съ дочкой въ своей комнаткѣ, крѣпко обняла ее и, заливаясь слезами, причитала, но тихонько, чтобы Фирсъ или его башкирецъ какъ-нибудь не подслушали:

— Лучше въ гробъ всѣмъ намъ лечь, чѣмъ тебя, золотое наше дитяtko, выдать замужъ за разбойника!

Отъ такихъ уговариваній Машенька дошла до полнаго отчаянія, и если она до сихъ поръ боялась Фирса, то теперь онъ представлялся ей ужъ истымъ страшилищемъ. Хорошо еще, что Фирсъ былъ занятъ у себя какими-то переговорами со своимъ «полковникомъ» и пока не имѣлъ времени выразить желанія видѣть невѣсту.

Наумъ крѣпко раздумался, когда Степанъ Егоровичъ, улучивъ удобную минуту, повѣдалъ ему о своемъ горѣ.

— Ишь, вѣдь, разбойникъ, что выду-

маль, — сказалъ онъ:- ишь, до чего добирается! Нагрязнулъ незванный-непрощенный, напугалъ всѣхъ до смерти, все въ домъ вверхъ дномъ поставилъ, живетъ себѣ и въ усъ не дуется, словно такъ и быть должно... Такъ вишь ты, ему еще и барышня понадобилась... Это чтобы нашей барышнѣ-красавицѣ да выйти за разбойника, нѣтъ, того не можетъ статься! Правда, теперь его воля, да сдается мнѣ, ненадолго, и какъ ни на-есть, а его перехитрить надѣть.

— Самъ я это знаю, — отвѣчалъ Степанъ Егоровичъ:- да какая тутъ хитрость, никакой хитрости не придумаешь, только и можно, что тянуть время.

— А какой-же попъ ихъ вѣнчать станетъ? — вдругъ оживившись, спросилъ Наумъ. — Отца-то Матвѣя вонъ вздернули. Изъ ближнихъ сель, про то я доподлинно знаю, ни одного попа не уцѣлѣло. Ну, вотъ это — разъ будетъ, пускай еще попа отыщеть, а попь найдется, такъ у насъ Марья Степановна прихворнетъ изрядно, это — два будетъ. Хоть годочковъ ей и немного, а барышня она смышленная; чай, ради своего спасенія,

сумѣть хворою прикинуться. Такъ мы пока и оттянемъ время, а тамъ, что Богъ дастъ.

Отлегло немного у Степана Егоровича отъ сердца при этихъ словахъ разумнаго приказчика.

— Золотой ты человекъ, Наумъ, — сказалъ онъ и потрепалъ его по плечу. — Коли живы останемся, никогда я этой службы твоей во все это тяжелое время не забуду.

Наумъ поклонился въ поясъ господину.

— Эхъ, сударь-батюшка Степанъ Егоровичъ, не велика моя служба, да кому-же мнѣ служить, какъ не тебѣ, ты нашъ кормилецъ. А ужъ чуетъ, чуетъ мое сердце, что всѣ бѣды да напасти отойдутъ отъ насъ и будетъ на нашей улицѣ праздникъ... не даромъ говорится: сердце вѣщунъ! Я своему сердцу вѣрю и съ каждымъ-то днемъ мнѣ спокойнѣе и спокойнѣе становится: не спроста это говорю: быть на нашей улицѣ празднику!..

Все такъ и сдѣлалось, по совѣту разумнаго Наума. Покричалъ, побурлилъ «Петръ Федоровичъ», узнавъ, что вздернули безъ его приказа отца Матвѣя; но дѣлать было нечего, да и не могъ-же онъ очень взыскивать со своихъ

башкирцевъ да киргизовъ: раздражать ихъ, особливо теперь, передъ задуманнымъ походомъ на Симбирскъ, никакъ не приходилось. Оставалось искать попа. И для этого Фирсъ отрядилъ нѣсколько человекъ и разослалъ ихъ въ разныя стороны.

Однако прошло съ недѣлю, а попъ не являлся. Страстный женихъ долженъ былъ ограничиваться свиданьями съ невѣстой при постороннихъ, при Аннѣ Ивановнѣ и сестрахъ, отъ которыхъ Машенька не отходила. Фирсъ немного утѣшался тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, прежняго страха онъ не видитъ въ невѣстѣ, что съ каждымъ днемъ она становится спокойнѣе, даже улыбается иной разъ, видимо привыкаетъ къ мысли о предстоящей свадьбѣ.

Дѣйствительно, въ Машенькѣ была замѣтна большая переменна. Наумъ успокоилъ Степана Егоровича, а Степанъ Егоровичъ въ свою очередь успокоилъ домашнихъ, уговорилъ Машеньку, объяснилъ ей все, сказалъ, что отъ ея поступковъ зависитъ не только ея, но и всѣхъ ихъ спасеніе. И Машенька хорошо поняла это и выказала гораздо больше

присутствія духа и сообразительности, чѣмъ даже можно было ожидать. А когда, наконецъ, притащили откуда-то священника, то она сыграла свою роль больной, какъ нельзя лучше. Фирсъ сначала совсѣмъ не повѣрилъ ея болѣзни, но, взглянувъ на нее, онъ не могъ не убѣдиться въ дѣйствительности ея страданій.

— Эхъ ты, горе какое! — говорилъ онъ: времени-то сколько ушло. Авось болѣзнь не Богъ вѣсть какая, денька три-четыре, и поправится Машенька, да со свадьбой теперь поневоль подождать надо, послѣ завтра въ походъ выступаемъ, такого удобнаго времени никакъ упустить невозможно. Ну, дѣлать нечего, потерплю недѣльку другую и ужъ привезу-же я моей государынѣ-невѣстѣ подарочекъ, поклонюсь я ей городомъ Симбирскомъ.

XII

Вѣсть о выступленіи Фирса въ походъ была принята у Кильдѣевыхъ съ несказанной радостью, только конечно всѣ тщательно скрывали эту радость отъ разбойника. А Машенька, все еще окутанная, обвязанная и лежавшая въ постели, такъ даже съ радости особенно ласково съ нимъ попрощалась, позволила поцѣловать себя и пожелала ему добраго пути.

— Только чуръ, когда вернусь, чтобы ужъ никакихъ отговорокъ не было, — сказалъ Фирсъ:— свадьбу ни на одинъ день нельзя будетъ больше откладывать.

Лихая тройка уже позвякивала бубенчиками, вся шайка была въ сборѣ, всѣ нужныя распоряженія сдѣланы. Фирсъ встрепенулся.

— Прощайте, прощайте... Пора! Прощай, Степушка...

И вдругъ онъ запнулся и даже какъ-будто вздрогнулъ.

— Ну, а коли неладное что со мною случится, коли не вернусь... не поминайте лихомъ!

Онъ еще разъ взглянулъ на Машеньку,

улыбнулся ей и быстро вышелъ. Въ немъ заговорила другая страсть, которая увлекала его теперь въ самое рискованное предпріятіе. Онъ чувствовалъ, какъ каждая жилка въ немъ заиграла. Впередъ, впередъ съ безшабашными удалцами — нагрянуть на богатый городъ, расхитить все, захлебнуться, охмѣлѣть въ горячей схваткѣ съ непріателями, заставить всѣхъ разбѣжаться или склониться передъ собою и потѣшить свою волю, исполнить всякое безумство, какое только придетъ въ охмѣлѣвшую голову. А что будетъ дальше — о томъ нѣтъ и мысли. Пусть будетъ, что будетъ.

И лихая тройка вынесла его на мягкую, пыльную дорогу. За нимъ неслась разношерстная конница, изъ лѣсу приставали къ нему поджидавшія его тамъ сотни, а впереди, по дорогѣ къ Симбирску, въ каждомъ селѣ, черезъ которое будетъ проѣзжать онъ, его грозное воинство станетъ пополняться еще десятками и сотнями новаго люду, точно такъ-же, какъ и онъ, жаждущаго похмѣлья и крови, добычи и дикой воли...

Ухалъ Фирсъ, и снова оживилась

Кильдѣвка. Поднялась съ постели Машенька, сбросила повязки съ головы и оказалась здоровою. Наумъ торжествовалъ — хитрость, имъ придуманная, удалась какъ нельзя лучше, да, видно, и Господь Богъ смилостивился.

— Такъ-то такъ, — говорилъ Степанъ Егоровичъ:— только дальше-то что будетъ? не впервой, вѣдь, уѣзжаетъ и опять возвращается. Пройдетъ недѣля-другая — вернется, тогда отъ него ужъ не отвертишься.

— Не вернется, — упрямо повторялъ Наумъ. — Не попуститъ Господь такого дѣла. То же, вѣдь, разсудить надо, сколько онъ зла понадѣлалъ, сколько крови пролилъ — не вѣкъ-же такъ будетъ. Куда онъ до сей поры метался-то? — все по селамъ, да барскимъ усадьбамъ... Ну, оно и немудрено, что ему удалось — некому его удержать было. А теперь не то. Видно, Господь Богъ у него разумъ попуталъ — ишь, вѣдь, легко сказать! — на Сибирскъ идетъ, а про то не знаетъ, что царицынаго войска видимо-невидимо подходитъ стало — вѣрные люди мнѣ говорили; да и посмотрѣлъ я на его-то воинство. Оно, конечно, коли грабить, да убивать, на висѣлицы

вздергивать — годится; ну, а въ битву выступить — это еще бабушка на-двое сказала. Я такъ думаю, что коли зарядить пушку, да навести ее на Фирсовскихъ, такъ она еще не выпалить, а они ужъ дадутъ тягу.

Такъ разсуждалъ Наумъ и оставался совершенно спокойнымъ. Проходили дни, долгіе дни ожиданій и тревоги для Степана Егоровича и его семейства; прошла недѣля, другая — о Фирсѣ ни слуху, ни духу, прошелъ почти мѣсяць, а женихъ все не подаетъ о себѣ вѣсточки. Тогда Степанъ Егоровичъ призвалъ Наума и далъ ему такое порученіе:

— Отправляйся-ка ты по дорогѣ къ Симбирску, да узнай, что и какъ. Тебѣ опасаться нечего — ни за дворянина, ни за попа тебя не примутъ, а коли и наткнешься на кого, тебя не учить стать — самъ изъ бѣды выпутаешься.

Наумъ почесалъ въ затылкѣ и усмѣхнулся.

— Вотъ, вѣдь, оно дѣло какое, — сказалъ онъ. — Я-то и самъ ужъ давно объ этомъ думаю и все собирался отпроситься у твоей милости. Оно, конечно, неладно мнѣ въ такія времена оставлять Кильдѣевку, да Богъ мило-

стивъ, ничего безъ меня не случится. А ужъ ждать у моря погоды больно надоѣло. Дозволь, батюшка, Степанъ Егоровичъ, взять Гнѣдка съ конюшни, онъ лошадь добрая, сильная, устали ему нѣту, съ нимъ я живо это дѣло обдѣлаю и вернусь съ вѣрнымъ извѣстіемъ.

— Бери Гнѣдка, — отвѣтилъ ему Степанъ Егоровичъ:— да и не мѣшай, замаялись мы тутъ всѣ, дожидаясь. Вонъ Анну Ивановну не узнать просто, совсѣмъ ее наше горькое горе изсушило.

Наумъ отправился и черезъ нѣсколько дней вернулся веселый, сіяющій.

— Что я говорилъ! не обмануло вѣщунъ-сердце, кончились наши бѣды, слава тебѣ, Господи!

Всѣ кинулись къ нему, окружили его, въ ротъ ему смотрѣли, какъ и что онъ говорить будетъ.

И онъ повѣдалъ о многихъ важныхъ событіяхъ.

Оказалось, что Наумъ составилъ себѣ несовсѣмъ вѣрное понятіе о шайкѣ Фирса. Въ первое время эта шайка большихъ бѣдъ

надѣлала. Подошелъ Фирсъ къ самому Симбирску. Полковникъ Рычковъ, вышедшій противъ него съ гарнизономъ, завязалъ сраженіе, но фирсовцы не испугались выстрѣловъ и кончилось это дѣло, какъ обыкновенно въ тѣ времена оканчивались приступы Пугачева и его сподвижниковъ: симбирскій гарнизонъ измѣнилъ; Фирсъ изъ своихъ рукъ убилъ полковника Рычкова и ужь торжественно вступалъ въ Симбирскъ. Но тутъ совсѣмъ неожиданно дѣло приняло иной оборотъ. На защиту Симбирска подоспѣлъ полковникъ Обернибъсовъ. Завязалась отчаянная рѣзня; передавшійся на сторону Фирса симбирскій гарнизонъ, увидя, что перевѣсъ на сторонѣ новопривышаго полковника, тоже ударилъ на разбойниковъ. Они не устояли и побѣжали. Рассказывали, что Фирсъ выказалъ чудеса храбрости. Окруженный со всѣхъ сторонъ и уже раненый, онъ отбивался, какъ чортъ, и крошилъ всѣхъ къ нему подступавшихъ. Но вотъ просвистѣла пуля и ударила ему въ голову; онъ пошатнулся, опустилъ руки и рухнулся на трупы, убитыхъ имъ солдатъ...

— Нѣтъ больше Фирса, да и могилы его нѣту! — проговорилъ Наумъ:— миновало наше горе, свободна наша барышня...

Нѣсколько минутъ никто не могъ произнести слова, не могъ пошевелиться. Наконецъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, даже старшія изъ дѣтей, набожно перекрестились. Всѣ невольно забыли многое страшное и вспомнили только то, что этотъ человѣкъ такъ долго былъ съ ними, что онъ по своему ко всѣмъ былъ ласковъ, что попадись они въ руки не къ нему, а къ комунибудь другому, то навѣрно теперь всѣхъ ихъ не было-бы на свѣтѣ. Тяжело, стало на душѣ Степана Егоровича, онъ больше всѣхъ другихъ забылъ разбойника Фирску, страшнаго «пугача», и думая теперь о немъ, думавъ о Фирсѣ Ивановичѣ — старомъ другѣ далекой молодости.

Но извѣстіемъ о гибели Фирса не кончились новости, привезенныя Наумомъ. Онъ сообщилъ слухъ о томъ, что «самъ», то есть, настоящій Пугачевъ, схваченъ...

— Да вѣрно ли? — спросилъ Степанъ Егоровичъ.

— Надо полагать, вѣрно, — отвѣтилъ Нау-

мъ. — Я дорогой-то приглядывался: у всѣхъ что-то совсѣмъ другія лица, и глядятъ и говорятъ по новому. Нѣтъ, должно вѣрно... А коли и не схваченъ еще, такъ ужъ теперь скоро ему карачунъ, по всему, какъ есть по всему видно.

Этотъ день въ Кильдѣевкѣ былъ какъ-то особенно тихъ и торжественъ. Шумной радости никто не выражалъ, даже дѣти присмирѣли, а старшіе сидѣли задумавшись. Задуматься было о чемъ, много пережилось въ послѣднее время; въ эти два-три мѣсяца будто десятокъ лѣтъ прошелъ. Вонъ, Машенька, сидѣла. сидѣла, да вдругъ кинулась къ матери, крѣпко обвила ея шею руками и заплакала.

— О чемъ ты, о чемъ? — спрашивала Анна Ивановна. — Теперь, Богъ дастъ, плакать ужъ не будемъ.

— Да сама не знаю, — сквозь рыданія проговорила Машенька: — какъ-то страшно мнѣ, и чудится, будто сама не узнаю себя, будто стала совсѣмъ другая, все другое, ничего прежняго, и прежнее будто далеко, далеко, такъ что даже трудно вспомнить, когда оно было...

XIII

На слѣдующее утро раннимъ-рано вышелъ Степанъ Егоровичъ изъ дому, кликнулъ Наума и сказалъ ему:

— Ну, теперь надо намъ обойти сараи и посмотрѣть, что тамъ сложено.

Наумъ, себя не помня отъ радости, сбѣгалъ за нужными инструментами. Подошли они къ самому большому сараю. Живо выломали двери. Почти весь сарай полонъ наваленными другъ на друга тюками, узлами. Каждый тюкъ, каждый узелъ завязанъ толстыми веревками. Развязали они первый попавшійся узелъ, да такъ и ахнули — тамъ было нѣсколько иконъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ, серебряныя чаши, дароносицы, кадила и всякая утварь церковная.

— Ахъ, разбойники, разбойники! это они по церквамъ да по монастырямъ награбили, — проворчалъ Наумъ. — Какъ у нихъ только руки не поотсохли, какъ ихъ Господь Богъ не убилъ на мѣсть? Вотъ, батюшка баринъ, нонѣ времена какія, люди-то хуже звѣрей стали...

— Да, тяжкія времена, — печально отвѣтилъ Степанъ Егоровичъ:— не скоро тѣ бѣды забудутся, что Емелька Пугачевъ натворилъ... Сирыхъ-то сколько, горемычныхъ!.. Да ужъ что теперь толковать объ этомъ, завяжи-вай-ка опять бережно узелъ, да тащи другой — все пересмотрѣть нужно.

Въ другомъ узлѣ оказалось еще больше иконъ и церковной утвари. Въ третьемъ были связаны мѣха дорогіе: собольи, куньи, горностаевые; бархатъ, наряды богатые. Чѣмъ дальше разглядывали Степанъ Егоровичъ съ Наумомъ, тѣмъ больше изумлялись, глаза у нихъ разбѣгались отъ никогда невиданнаго богатства.

Разглядѣвъ все въ большомъ сараѣ и заперевъ его, пошли они по остальнымъ клѣтушкамъ и ужъ глазамъ своимъ не вѣрили — столько тамъ было всякаго оружія, серебряной посуды. Стояло тамъ также нѣсколько большихъ боченковъ.

— Это что-же? И вино они тутъ-же вмѣстѣ съ серебромъ прятать вздумали! — сказалъ Наумъ. — Нѣтъ, это не вино, — продолжалъ онъ, открывая одинъ изъ боченковъ:— глянь-

ка, сударь, деньги!.. Да, такъ и есть, деньги, полный боченокъ!.. серебряныя деньги!..

Но Степанъ Егоровичъ не слышалъ Наума. Онъ самъ открылъ другой боченокъ и, пораженный, пересыпалъ въ немъ червонцами.

Наконецъ, очнувшись, онъ проговорилъ:

— О! да тутъ у насъ въ Кильдѣевкѣ такое богатство, такое богатство, что и счастье его трудно. На это богатство болѣе сотни Кильдѣевокъ купить можно... Какъ-же теперь быть со всѣмъ этимъ, чье все это, кто хозяйева?

— Чье, кто хозяйева?! — повторилъ Наумъ: — известно кто — ты, сударь, твое все это теперичи! Видно, Господь не безъ милости. Ну, не говорилъ я, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ... Вотъ такъ когда пожить можно будетъ, батюшка Степанъ Егоровичъ! Да и то сказать, натерпѣлся ты въ жизни. Нужды-то твои да заботы намъ вѣдомы, иной разъ такъ жалостно было смотрѣть, какъ ты маешься... вотъ и миновало горе. Помнится, какъ-то жалился, что дѣтокъ больно много, какъ вскормить ихъ, вырастить, какъ жить будутъ? А я, по своему холопъему разуму, отвѣчалъ тебѣ: Господь даровалъ ихъ — Господь о нихъ и

промыслить, ну, вотъ, оно такъ и случилось. Те-
перечи хоть еще столько дѣтокъ, на всѣхъ
ихъ хватить... Э-эхъ!..

Вдругъ голосъ Наума оборвался, на глазахъ
его показались слезы. И этотъ спокойный,
разсудительный человѣкъ, весь въ волненіи
и радости, сталъ цѣловать руки своего госпо-
дина.

Но Степанъ Егоровичъ стоялъ смущенный.

— Не мое, не мое! — повторялъ онъ:— воро-
тить надо хозяевамъ... Утаю воровское богат-
ство — въ прокъ не пойдетъ... это, можетъ,
Господь испытаніе посылаетъ. Нѣтъ, Наумъ,
не смущай ты мою душу, выйдемъ отсюда,
скроемъ все до времени; пусть оно лежитъ,
какъ было, а тамъ, какъ утихнетъ народъ, та-
къ ужъ, конечно, начальство распорядится.
Въ Симбирскъ-бы нужно ѣхать да объявить,
что у меня награбленное добро оказалось...

— Степанъ Егоровичъ, господинъ ты мой
милостивый, послушай моего холопьяго сло-
ва, — перебилъ его Наумъ. — Не ѣзди въ Сим-
бирскъ, нишкни, время-то теперь не такое,
неравно еще безъ вины въ бѣду попадешь. А
что скрывать все это пока, это точно надобно.

Боченки мы тихомолкомъ въ домъ перенесемъ, въ твой покойчикъ, гдѣ жилъ Фирсъ, и держи ты тотъ покойчикъ на запорѣ; а тюки всѣ мы въ одномъ большомъ сараѣ сложимъ, мѣста тамъ довольно, да и запремъ хорошенько. Тамъ по времени видно будетъ... Въстимо, коли хозяинъ своему добру объявится доподлинный — вернуть будетъ надо; да гдѣ тѣ хозяева? въ сырой землѣ давно. Фирсъ-то со своими людьми не больно щадилъ, можетъ, теперъ до самага Симбирска ни одной и усадьбы цѣлой нѣту, ни одного барина; развѣ которые въ Питерѣ да въ Москвѣ проживаютъ...

Степанъ Егоровичъ послушался Наума, съ мнѣніемъ котораго оказалась согласной и Анна Ивановна; въ Симбирскъ онъ не поѣхалъ, боченки съ золотомъ и серебромъ перенесли въ домъ, тюки всѣ сложили въ сарай и крѣпко заперли. Старшія дѣти знали, что въ сараѣ этомъ добро разное, но сколько его и какое оно, про то имъ не говорили; а младшія дѣти глядѣли на этотъ сарай съ ужасомъ, зная, что въ немъ разбойники что-то спрятали и что это что-то — очень страшное.

XIV

Между тѣмъ вотъ и ноябрь наступилъ, мснѣгу навалило, установилась санная дорога. Собрался Степанъ Егоровичъ въ Симбирскъ узнать о томъ, что на свѣтъ дѣлается: казнили-ли Емельку Пугачева, смирно-ли за Волгой, а главное, хотѣлось ему провѣдать, не говорятъ-ли чего о разбойничьихъ награбленныхъ богатствахъ, не приказано-ли чего относительно этихъ богатствъ, въ случаѣ еслибы они гдѣ оказались.

Тревога душевная не прекратилась для Степана Егоровича съ освобожденіемъ Кильдѣевки отъ владычества Фирса и его шайки; правда, теперешняя тревога была далеко не прежняго свойства, но все настолько сильна, что Степанъ Егоровичъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, все свои думы думалъ.

«Вѣдь вотъ они тутъ подъ бокомъ, эти бо-ченки съ золотомъ и серебромъ, а въ сараѣ десятки пудовъ посуды серебряной, мѣха дорогіе, оружіе, двѣ большія укладки съ камнями самоцвѣтными... Тутъ все это, и никто пока про то не знаетъ. Въ рукахъ богатства

неисчислимыя, какія и во снѣ никогда не грезились, а бѣднота въ домѣ попрежнему — все разорено, съ крестьянъ взять нечего, почти весь скотъ домашній уничтоженъ разбойниками».

Не разъ входилъ Степанъ Егоровичъ въ запертой покойчикъ, не разъ открывалъ бочки; сильно хотѣлось ему попользоваться хоть горстью денегъ, но ни разу онъ не рѣшился на это, онъ боялся и отвѣтственности, и страшными казались ему эти деньги, добытыя грабежомъ и убійствомъ. А между тѣмъ, такъ и тянуло, такъ и тянуло къ этимъ проклятымъ деньгамъ, да и Наумъ въ искуссителя превратился: почти каждый день толкуетъ, что еще потерпѣть немного, да и заживетъ Степанъ Егоровичъ всей губерніи на удивленіе и зависть. Нѣтъ-нѣтъ, да и начинаютъ рисоваться Кильдѣеву самыя соблазнительныя картины;

«Вся-то жизнь въ черной работѣ прошла, въ нуждѣ, да заботахъ, ужасы всякіе пережили... охъ, кабы отдохнуть! Вѣдь, на эти деньги теперь кругомъ всѣ имѣнья закупить можно... всѣ разорены, всѣмъ деньги нужны...

слышно, продають за безцѣнокъ... Дочки невѣсты, вѣдь, только узнають, — лучшіе женихи въ губерніи явятся, отбою не будетъ, выбирай любого!»

Даже дрожь пробираетъ Степана Егоровича, но онъ все крѣпится.

Что-то вотъ въ Симбирскѣ скажутъ?

А въ Симбирскѣ, въ канцеляріи, говорятъ ему, что отъ правительства указъ вышелъ: все оставленное бунтовщиками и разбойниками въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они притоны свои держали и склады имѣли, все это поступаетъ въ собственность владѣльцевъ имѣній.

У Степана Егоровича шибко забилося сердце.

— Да точно-ли это, заправду-ли есть такой указъ? — запинаясь, спрашивалъ онъ всѣхъ и каждаго.

Нѣкоторые изъ чиновниковъ были ему и прежде того знакомы: они окружили его, принесли бумагу, прочитали. Но онъ все еще не вѣрилъ, пока самъ, своими глазами не прочелъ той бумаги, а какъ прочелъ, то бросился всѣхъ обнимать, руки трясутся, на глазахъ слезы, самъ крестится.

— Да что, или у тебя, Степанъ Егоровичъ, въ Кильдѣевкѣ много воровского осталось?

— Много, государи мои, много!..

— Какъ? что?

— Всего много, и вещами дорогими, и деньгами... боченки съ деньгами... сколько — не знаю еще доподлинно, не считалъ, а не меньше, какъ тысячъ на триста, четыреста будетъ.

— Вотъ такъ счастье!.. Кому горе, раззореніе... а вотъ людямъ этакое счастье!..

Вѣсть о томъ, что у Кильдѣева оказалось громадное богатство, мигомъ облетѣла всю канцелярію и пошла дальше по городу. Люди, до сихъ поръ относившіеся къ Степану Егоровичу высококомѣрно и съ пренебреженіемъ, вдругъ стали выказывать ему знаки искренней дружбы и почтенія; незнакомые съ нимъ спѣшили познакомиться, наговорили ему кучу пріятныхъ вещей. Всѣ его спрашивали, тормошили, завидовали ему и злословили. Но онъ, съ копіей драгоцѣннаго указа, спѣшилъ скорѣе домой, въ Кильдѣевку.

Можно себѣ представить, какъ принята была въ Кильдѣевскомъ «ульѣ» привезенная Степаномъ Егоровичемъ новость. Одинъ только Наумъ оставался торжественно спокойнымъ, онъ давно уже ожидалъ всего этого, давно приготовился къ наступающей переменѣ.

Счастливый и словно помолодѣвшій, принялся теперь Степанъ Егоровичъ за окончательный осмотръ такъ чудесно доставшихся ему сокровищъ. Сталъ считать и пересчитывать свои богатства, и оказалось, что у него не на триста, не на четыреста тысячъ рублей, а на цѣлыхъ семьсотъ хватить, — сумма въ то дешевое время огромная.

Но у Анны Ивановны вырвалась фраза:

— Охъ, боюсь я, боюсь, пойдеть-ли намъ въ прокъ воровское богатство?!..

Услышавъ эти слова вѣрной жены своей, бывшія только повтореніемъ того, что и самому нѣтъ-нѣтъ, да и приходило въ голову, Степанъ Егоровичъ снова крѣпко задумался. Однако, онъ скоро нашель способъ успокоить

свою совѣсть, избавиться отъ опасенія за будущее и въ то же время воспользоваться счастливымъ настоящимъ.

Онъ тотчасъ-же сталъ разузнавать по окрестнымъ монастырямъ да церквамъ, гдѣ и что было похищено, и все это возвратилъ по принадлежности. Затѣмъ принялся скупать имѣнія, переселился въ просторныя каменные хоромы, верстахъ въ десяти отъ Кильдѣвки, и началъ строить церковь, съ тѣмъ, чтобы пожертвовать въ нее все церковное имущество, какое у него еще осталось и происхожденіе котораго ему было неизвѣстно.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и конечно теперь въ Степанѣ Егоровичѣ никто-бы не узналъ прежняго скромнаго труженика: совсѣмъ другой видъ у него, совсѣмъ другія манеры. Да и все кругомъ него измѣнилось, не одно счастье привалило, пережилось немало и горя. Начать съ того, что Степанъ Егоровичъ лишился своей Анны Ивановны; прежде такая здоровая и бодрая, она, послѣ всѣхъ приключеній Фирсова нашествія, стала хирѣть и года черезъ два умерла. Хворая

Оленька и нѣкоторыя изъ младшихъ дѣтей тоже умерли, несмотря на то, что теперь уходъ за ними былъ не прежній, что они ужь не бѣгали босоножками по двору.

Машенька вышла замужъ за богатаго сосѣда, но за нею долго еще сохранилось въ Симбирскѣ прозвище «разбойничьей невѣсты».

Старшіе сыновья уже служили въ Петербургѣ въ гвардейскихъ полкахъ. Дома подросли новыя невѣсты. Заправляла всѣмъ старшая, горбатенькая Аришенька. Несмотря на свой печальный недостатокъ и некрасивое лицо, она вышла такой разумной, веселой и доброй, что вполне замѣнила покойницу мать и была истинной матерью для своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ.

Она хорошо понимала, что ея жизнь должна принадлежать другимъ, что для себя самой ей нечего мечтать о счастьи, и величайшимъ удовольствіемъ ея было устраивать всякія свадьбы. Такъ, успѣла она выдать замужъ за хорошихъ людей и двухъ несчастныхъ дочекъ отца Матвѣя, которыя жили у нихъ въ домѣ. Степанъ Егоровичъ далъ имъ поря-

дочное приданое.

Наумъ, въ качествѣ главнаго управителя и совѣтника Степана Егоровича, благоденствовалъ со всею семьєю. Онъ давно уже получилъ вольную и при этомъ Степанъ Егоровичъ пожаловалъ ему цѣлыхъ десять тысячъ. Ни отъ вольной, ни отъ десяти тысячъ Наумъ не сталъ отказываться, но для себя не хотѣлъ ничѣмъ воспользоваться. Оставшись у Степана Егоровича, онъ до конца считалъ себя его крѣпостнымъ слугою, но за то всѣ усилія употреблялъ, чтобы образовать и вывести въ люди дѣтей своихъ.

Его дѣти воспитывались вмѣстѣ съ младшими дѣтьми Степана Егоровича и одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи перещеголялъ всѣхъ Кильдѣевыхъ, дослужился до большихъ чиновъ и сталъ въ ряду видныхъ дѣятелей позднѣйшаго времени.

1881 г.